

ISBN 978-1-64655-006-7

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

Google
scholar

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

X INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

Boston. USA. August 29-30, 2019

ISBN 978-1-64655-006-7

UDC 08

**X INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE»
(Boston. USA. August 29-30, 2019)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2019

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. X INTERNATIONAL
CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, August 29-30,
2019). Boston. 2019**

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: *VALTSEV SERGEI*
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskih N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skipko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Trequb I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Muculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»
VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW 5

Kurakin A.S., Lapina M.A. (Russian Federation) INTERNATIONAL WAYS TO FIGHT GLOBAL WARMING: LEGAL, ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS / *Куракин А.С., Лапина М.А.* (Российская Федерация) МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМ ПОТЕПЛЕНИЕМ: ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ5

LEGAL SCIENCES 13

Musaev E.T. (Republic of Uzbekistan) PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A FORM OF ATTRACTING INVESTMENT IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN / *Мусаев Э.Т.* (Республика Узбекистан) ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРУ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН13

Kurchinskaya-Grasso N.O. (Russian Federation, Italian Republic) CHILD'S BEST INTERESTS IS THE MAIN GUIDANCE FOR PROTECTION IN A CASE OF WRONGFUL REMOVAL OR RETENTION OF A CHILD / *Курчинская-Грассо Н.О.* (Российская Федерация, Итальянская Республика) ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА – ГЛАВНЫЙ ОРИЕНТИР ЗАЩИТЫ ПРИ ЕГО НЕЗАКОННОМ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ИЛИ УДЕРЖАНИИ21

Morozkov A.V. (Russian Federation) FUNCTIONS PROSECUTOR'S OFFICE / *Морозков А.В.* (Российская Федерация) ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ28

Shesternina D.S. (Russian Federation) PROBLEMS OF PRE-JUDICIAL SETTLEMENT OF DISPUTES IN LITIGATION PROCEDURE IN CARGO TRANSPORTATION / *Шестернина Д.С.* (Российская Федерация) ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ПРЕТЕНЗИОННОМ ПОРЯДКЕ В ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗКАХ36

Aroian M.Yu. (Russian Federation) THE FUTURE OF ANTI-MONEY LAUNDERING REGULATION. AUTOMATISATION OF THE PROCESS / *Ароян М.Ю.* (Российская Федерация) БУДУЩЕЕ АНТИОТМЫВОЧНОГО ЗАКОНА. АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ48

SOCIOLOGICAL SCIENCES 53

Abdullaeva M.H., Urmonova G.H. (Republic of Uzbekistan) THE ROLE OF VIDEO MATERIAL IN THE COGNITIVE ACTIVITY OF LEARNERS / *Абдуллаева М.Х., Урмонова Г.Х.* (Республика Узбекистан) РОЛЬ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ53

Zhuraeva K.S. (Republic of Uzbekistan) PROSPECTS OF YOUTH POLICIES OF UZBEKISTAN IN THE INTERNATIONAL COMMUNITY / *Жураева К.С.* (Республика Узбекистан) ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ57

POLITICAL SCIENCES 65

Kornaukhova K.M. (Russian Federation) CHARACTERISTIC FEATURES OF A DEMOCRATIC TRANSIT ON POST-SOVIET SPACE / *Корнаухова К.М.*

(Российская Федерация) ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ТРАНЗИТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....65

Khilova A.A. (Russian Federation) COMPARATIVE ANALYSIS OF THE
CULTURAL ADAPTATION THEORY AND THE THEORY OF CULTURAL
FUSION / *Хилова А.А.* (Российская Федерация) СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА.....78

Khilova A.A. (Russian Federation) FIGHTING APARTHEID IN SOUTH AFRICA:
ANALYSIS OF CONFLICT / *Хилова А.А.* (Российская Федерация) БОРЬБА С
АПАРТЕИДОМ В ЮАР: АНАЛИЗ КОНФЛИКТА.....83

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW

INTERNATIONAL WAYS TO FIGHT GLOBAL WARMING: LEGAL, ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS

Kurakin A.S.¹, Lapina M.A.² (Russian Federation)

Email: Kurakin510@scientifictext.ru

¹Kurakin Anatoly Sergeevich – Student,
THE FACULTY OF LAW;

²Lapina Marina Afanasyevna - Scientific adviser, Doctor of Law,
Professor,

DEPARTMENT OF LEGAL REGULATION OF ECONOMIC
ACTIVITY,

FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT OF THE
RUSSIAN FEDERATION
MOSCOW

Abstract: *the article analyzes the problem of global warming, which appeared as a result of a significant influence of the anthropogenic factor on the environment, which causes many global and regional disasters. The world community, starting from the second half of the 20th century, creates a regulatory framework for solving the problems of greenhouse gas emissions and the transition to low-carbon development. In the process of implementing the plan of transition to alternative resources and reducing harmful emissions, special market-based tools are used to effectively distribute the burden on national economies.*

Keywords: *greenhouse gas, ecology, global warming, climate change, Paris Agreement.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМ ПОТЕПЛЕНИЕМ: ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Куракин А.С.¹, Лапина М.А.² (Российская Федерация)

¹Куракин Анатолий Сергеевич – студент,
юридический факультет;

²Лапина Марина Афанасьевна – научный руководитель, доктор
юридических наук, профессор,
департамент правового регулирования экономической
деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации,
г. Москва

Аннотация: в статье анализируется проблема глобального потепления, появившаяся в результате значительного влияния антропогенного фактора на окружающую среду, которая становится причиной множества мировых и региональных катастроф. Мировое сообщество, начиная со второй половины XX века, создает нормативно-правовую базу для решения проблем выброса парниковых газов и переход к низкоуглеродному развитию. В процессе реализации плана перехода на альтернативные ресурсы и сокращение вредных выбросов применяются специальные рыночные инструменты, позволяющие эффективно распределять нагрузку на национальные экономики.

Ключевые слова: парниковый газ, экология, глобальное потепление, изменение климата, Парижское соглашение.

Проблема глобального потепления не перестает терять своей актуальности, поскольку изменение климата создает определенные трудности в экономике (например, нехватка пресной воды, продовольственная проблема), в политике (стихийные бедствия, миграция), а также вызывает трудности при развитии основных отраслей экономики: энергетики, транспорта, сельского хозяйства и т.д. Современный уровень антропогенного влияния на экологию достиг своего критического

уровня, это обусловлено бурным экономическим развитием, перенаселенностью, урбанизацией и другими привычными нам процессами. Всё это становится причиной ряда катастроф как в России, так и по всему миру, именно поэтому необходимо направить все совместные усилия государств на выработку специальных мер по предотвращению катастроф и недопустимости ухудшения климата, происходящих под влияние антропогенного фактора.

В 2013 году для реализации поставленных задач в рамках ООН была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), которая должна была заниматься сбором и предоставлением объективных научных фактов, касающихся проблемы глобального потепления. В своем Пятом оценочном докладе Группа подробно рассматривала проблему изменения климата и по итогам работы определила, что главной опасностью является человеческая деятельность. В Докладе была представлена общая оценка повышения уровня моря, а также причины таких изменений на протяжении последних десятилетий. Ценность этих исследований состоит в том, что это позволило выявить следующую информацию: с 1880 по 2012 год средняя глобальная температура поднялась на 0,85 С; температура океанов также повысилась, сократился общий объем льда и снега, среднемировой уровень моря повысился на 19 см, что привело к таянию льдов; прогнозируется поднятие температуры на 1,5-2,5

С из-за имеющейся концентрации парниковых газов [1].

Позднее в 2018 году был опубликован Специальный доклад, посвященный проблеме глобального потепления на 1,5 С, в котором был сделан вывод о необходимости ограничения климатических изменений, требующие переходных процессов в земельных, энергетических, промышленных системах. В свою очередь для обеспечения сокращения выброса двуокиси углерода (CO₂) в названных отраслях требуется создание и реализация международных норм, которые позволят осуществить переход с наименьшим ущербом как для государства, так и для частных лиц.

Помимо катастрофического влияния на окружающую среду, некоторые авторы, в частности И. А. Макаров, выделяют

возможные последствия изменения климата на мировую экономику:

1. Повышение температуры на 1 °C приведет к падению количества урожая пшеницы, риса и кукурузы, что повлечет за собой рост цен на продукты и породит ещё большую бедность в странах.

2. Если начнут таять ледники, то по всему миру поднимется уровень моря, что приведет к массовой потере прибрежных зон, которые чаще всего служат основным промыслом для большинства стран, потеря инфраструктуры и туристического потока может привести к краху экономики государства.

3. От серьезного изменения климата пострадает население планеты. Увеличение случаев заболевания и смертности соответственно, в связи с трудностями акклиматизации организма. Ученый также отмечает тот факт, что опасность кроется в возможном расширении на север целого ряда опасных тропических заболеваний [2].

Организацией Объединенных Наций было создано несколько основных нормативно-правовых документов, посвященных рассматриваемой проблеме. Рамочная конвенция ООН «Об изменении климата» (РКИК) была принята с целью разрешения проблемы парниковых газов в атмосфере, а именно недопущение опасного воздействия антропогенного фактора на климатическую систему. Государства-участники конвенции обязались осуществлять свою национальную политику с целью ограничения и сокращения таких выбросов, однако в конвенции отсутствовала жесткая регламентация такой деятельности, что позволило участникам самостоятельно определить свои приоритеты и масштабы деятельности [3]. Дополнением к конвенции стал Киотский Протокол, который определял обязательства стран-участниц по ограничению антропогенных выбросов в атмосферу, была поставлена задача не превысить объемы, установленные протоколом. Первая фаза реализации должна была закончиться в 2012 года, в связи с чем в 2015 году руководитель секретариата РКИК заявила, что Протокол подтвердил все научные выводы, а также стимулировал развитие концепций и решений по отчетности в данной области [4].

Итоги Киотского протокола показали, что международные способы борьбы с глобальным потеплением дают положительный результат, в связи с этим в 2015 года в Париже была подписано специальное соглашение в рамках РКИК, которое пришло на смену Протоколу. Цель соглашения заключалась в поддержании роста глобальной средней температуре ниже 2⁰С. В Соглашении заявлено, что на момент его подписания недостаточно уже сделанных национальных вкладов, а также по-прежнему отсутствует механизм международного принуждения, который позволил бы более эффективно достигнуть поставленных целей [5].

Одним из важнейших положений договора принято считать охрану лесов, так в соответствии с ч. 1 ст. 5 Парижского соглашения Государства принимают на себя обязанность по охране и повышению качества поглотителей и накопительной парниковых газов, чем согласно п. 1d ст. 4 являются леса. В рамках соглашения участники должны принимать меры по противодействию обезлесения и деградации лесов, в качестве их сохранения как природной системы углеродного обмена. Отсутствие механизмов международной ответственности, позволяет государствам уклоняться от таких предписаний, что приводит к потере не только флоры, но и многих видов животных, именно поэтому вырубка лесов также выступает важным аспектом, нуждающимся в особо регулировании на международном уровне.

Однако при всей своей благородной цели в Парижском соглашении также присутствуют определенные механизмы политического давления на развивающиеся страны. Такое давление, в частности, заключается в обще рамочных подходах и ориентирах, которые не были детализированы, что позволяет толковать положения конвенции в сторону развитых стран. Система контроля за исполнением принятых обязательств также не была доработана и оставляет вопросы. Именно эти обстоятельства стали препятствием для ратификации конвенции на территории Российской Федерации, однако в условиях новых мировых протестов, а также по политическим мотивам, Президент РФ вновь заговорил о возможности ратификации Соглашения [6]. Не совсем понятно, сможет ли Россия обеспечить

надлежащее исполнение положений, поскольку требования соглашения могут привести к ещё большему упадку в связи с невозможностью большинства предприятий обеспечить себя необходимым оборудованием.

Поскольку основным источником парниковых газов является антропогенная, а в большей степени производственная деятельность, специалистами были выработаны некоторые рыночные инструменты, которые позволят ограничить выброс вредных веществ в атмосферу. Углеродный налог и система торговли квотами на выбросы, суть которых заключается в установлении определенной цены за каждую единицу выбросов, при этом не происходит ограничение производителей в выборе способа такого сокращения, т.е. это могут быть, к примеру, инвестиции в возобновляемые источники энергии или же простое сокращение объемов производства. В настоящий момент такая система имеет некоторые недостатки, например, не совсем ясно как определять будущий уровень выбросов и издержки их сокращения. В странах Европы проблему решили установив одновременно и систему торговли квотами на выбросы парниковых газов и национальные налоги на выбросы углерода, налог на бензин, помимо это предусмотрено государственное субсидирование эмитентов использующих источники возобновляемой энергетики [7. с. 10-11]. Такие меры позволяют не только перевести всю производственную деятельность на альтернативные источники, тем самым сохранив иссекаемые природные материалы, но и позволят стимулировать научно-технологический прогресс, создавая новые способы ведения сельского хозяйства, промышленности и т.д.

В рамках Киотского протокола было предусмотрено создание специальных механизмов взаимодействия между государствами, которые позволили обеспечить передачу друг другу части национальных квот на выбросы парниковых газов, так называемая торговля квотами [8]. Это позволило помочь в борьбе с глобальным потеплением развивающимся странам, экономика которых не могла отказаться от выбросов на столько, сколько того требовал протокол, или же не имела специальных технологий для перехода на альтернативные ресурсы.

В настоящее время Система торговли выбросами (СТВ) является одним из самых используемых рыночных способов борьбы с изменением климата, однако в ней не предусмотрены существенные стимулы для быстрого отказа, например, от угля. СТВ активно используется в Европейских странах, что помогает снижать уровень выброса углерода до необходимых показателей, при этом стоит учитывать, что это возможно лишь благодаря совместному усилию всех стран ЕС, так как сейчас в большинстве своем снижение происходит благодаря Франции, Германии и Великобритании, которые имеют продуманные долгосрочные стратегии низкоуглеродного развития вплоть до 2030 года [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время проблеме глобального потепления посвящено несколько конвенций, которые государства стремятся исполнять, при этом активно используются рыночные инструменты борьбы с изменением климата, которые позволяют не только решить проблему, но и искать новые способы получения необходимых ресурсов, что в прогнозируемом будущем поможет спасти планету и полностью отказаться от выбросов углеродного газа в атмосферу нашей планеты. При этом стоит учитывать, что существуют определенные барьеры, которые не позволяют на данном этапе скооперировать усилия развитых стран с развивающимися из-за неразвитых экономик вторых и политического давления первых.

Список литературы / References

1. Изменение климата // Организация объединенных наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/climate-change/index.html> (дата обращения: 11.05.2019).
2. Макаров И.А. Глобальное изменение климата как вызов мировой экономике и экономической науке // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. № 3. – С. 479–494.
3. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // Организация объединенных наций [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 11.05.2019).

4. В ООН подвели предварительные итоги реализации Киотского протокола // Новости ООН [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/02/1258251> (дата обращения: 11.05.2019).
5. ADOPTION OF THE PARIS AGREEMENT // Организация объединенных наций [Электронный ресурс] URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (дата обращения: 11.05.2019).
6. Путин: Россия ратифицирует Парижское соглашение по климату после всестороннего анализа // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/6313025> (дата обращения: 11.05.2019).
7. Макаров И.А., Степанов И.А. Углеродное регулирование: Варианты и вызовы для России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – М, 2017. – № 6. – 20 с.
8. Жилина И.Ю. Рыночные инструменты борьбы с глобальным потеплением // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2018. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynochnye-instrumenty-borby-s-globalnym-potepleniem> (дата обращения: 10.05.2019).
9. Кокорин Алексей Олегович, Поташиников Владимир Юрьевич Глобальный низкоуглеродный тренд развития как движущая сила реализации Парижского соглашения // Экономическая политика. 2018. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-nizkouglerodnyy-trend-razvitiya-kak-dvizhuschaya-sila-realizatsii-parizhskogo-soglasheniya> (дата обращения: 12.05.2019).

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A FORM OF ATTRACTING INVESTMENT IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Musaev E.T. (Republic of Uzbekistan)

Email: Musaev510@scientifictext.ru

*Musaev Elbek Tayufovich - PhD (Law), Acting Associate Professor,
DEPARTMENT OF CIVIL LAW,
TASHKENT STATE LAW UNIVERSITY,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article analyzes issues related to the legal framework for attracting investment in the field of physical education and sports on the basis of public-private partnership in the Republic of Uzbekistan with the study of foreign and national experience. The mechanisms of using public-private partnerships in the field of physical culture and sports in Uzbekistan as a tool to increase the efficiency of enterprises in this field are investigated. It is concluded that public-private partnerships are a strategic form of investment in the field of physical education and sports, and one of its effective forms is a full-life contract. Changes and additions to the legislation of the Republic of Uzbekistan in the field of physical education and sports are proposed.*

Keywords: *physical education, sport, investment, social sphere, foreign experience, national experience, public-private partnership, legislation, contract.*

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРУ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Мусаев Э.Т. (Республика Узбекистан)

*Мусаев Эльбек Таюфович - кандидат юридических наук,
исполняющий обязанности доцента,
кафедра гражданского права,
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в статье анализируются вопросы, связанные с правовыми основами привлечения инвестиций в сферу физической культуры и спорта на основе государственно-частного партнерства в Республике Узбекистан, с изучением зарубежного и национального опыта. Исследуются механизмы использования государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта в Узбекистане как инструмента, повышающего эффективность работы предприятий данной сферы. Делается вывод о том, что государственно-частное партнерство является стратегической формой инвестирования в сферу физической культуры и спорта, а одной из его эффективных форм является контракт полного жизненного цикла. Предлагаются изменения и дополнения в законодательство Республики Узбекистан в сфере физической культуры и спорта.*

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, инвестиции, социальная сфера, зарубежный опыт, национальный опыт, государственно-частное партнерство, законодательство, контракт.*

В последние годы в Узбекистане последовательно реализуются меры по созданию необходимых условий и инфраструктуры для популяризации физической культуры и спорта, здорового образа жизни среди населения, особенно молодежи, обеспечению достойного представления страны на международной спортивной арене.

В своих выступлениях Президент Узбекистана Ш.М.Мирзиёев неоднократно говорил об особом значении физической культуры и спорта для нашего государства и общества. Например, в Послании Президента Олий Мажлису 28 декабря 2018 года говорилось об «утверждении в обществе здорового образа жизни, дальнейшей популяризации физической культуры и спорта» [1].

Важным фактором развития спорта в современных условиях становится осознание необходимости совместной работы государства и частного сектора в решении проблем производства и повышения качества спортивных услуг. На сегодняшний день в правовой науке механизмы использования государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере физической культуры и спорта в Узбекистане как инструмента, повышающего эффективность работы предприятий данной сферы, исследованы недостаточно.

При рассмотрении вопроса государственно-частного партнерства, прежде всего, требуется установить его понятийный смысл. Необходимо отметить, что в изучаемой литературе нам не встретилось единого определения понятия «государственно-частного партнерства». Например, в Российской Федерации вопросы применения государственно-частного партнерства разрабатывались следующими специалистами: М.В. Вилисовым, Т. А.Санниковой, Е.А. Коровиным В.Г. Варнавским [2] и др. Анализируя определения вышеперечисленных авторов, можно выделить следующие основные черты государственно-частного партнерства, подходящие и для Республики Узбекистан:

1. Сторонами государственно-частного партнерства являются государство и частный сектор.

2. Сотрудничество, прежде всего, предполагается в инвестиционной сфере.

3. Стремление государства использовать капитал частного сектора для улучшения качества государственных услуг.

4. Распределение рисков, затрат и прибыли как условия партнерства, распределение происходит между сторонами в заранее определенных пропорциях.

5. Взаимодействие сторон имеет равноправный характер и закрепляется на официальной, юридической основе.

6. Партнерство имеет четко выраженную публичную, общественную направленность. На наш взгляд, государственно-частное партнерство – это форма сотрудничества государства и частного сектора в инвестиционной сфере с целью реализации общественно-значимых проектов (реконструкция, строительство объекта государственной собственности (или) его эксплуатация, управление и т. д.), направленных на достижение целей государственной политики и повышения конкурентоспособности страны. В партнерстве, здесь мы поддерживаем Колмыкова А.Г., который пишет: «речь идет не о передаче кем-то из партнеров функций, которые никто другой выполнять не состоянии, а о привлечении к сотрудничеству субъектов, способных дать дополнительный импульс, повысить эффективность решения наиболее значимых проблем, для создания синергетического эффекта» [3].

В зарубежных странах государственно-частное партнерство развивается достаточно активно (более чем в 60 странах мира), где государственно-частное партнерство активно применяется в образовании, физической культуре и спорте, культуре как областях социальных услуг.

Анализ зарубежного опыта использования государственно-частного партнерства показал, что, в зависимости от уровня социально-экономического развития страны, приоритеты расставлены следующим образом [4]. В странах «Большой семерки»: на 1-м месте – здравоохранение (184 из 615 проектов); на 2-м месте – образование (138 проектов); на 3-м – автодороги (92 проекта). В каждой из стран «Большой семерки» имеется своя наиболее приоритетная отрасль по использованию государственно-частного партнерства: в США такой отраслью являются автодороги (32 из 36 проектов); в Великобритании – здравоохранение (123 из 352 проектов) и образование (113 из 352 проектов); в Германии – образование (24 из 56 проектов); в Италии, Канаде и Франции – здравоохранение. В других странах (Австрия, Бельгия, Дания, Австралия, Израиль, Ирландия, Финляндия, Испания, Португалия, Греция, Южная Корея, Сингапур): на 1-м месте находится отрасль, связанная со строительством и реконструкцией автодорог (93 проекта); на 2-м

месте – здравоохранение (29 проектов); на 3-м – образование (23 проекта); на 4-м месте – средства размещения (22 проекта). В странах с переходной экономикой – страны Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Хорватия, Польша, Румыния); страны Балтии (Латвия) на первом месте по применению ГЧП лидируют автодороги, строительство мостов и тоннелей, легкого наземного метро, аэропортов. В развивающихся странах (Индия, Бразилия, Чили, Гонконг, Мексика, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) по количеству ГЧП лидируют автодороги, затем следуют аэропорты, тюрьмы и водоочистные сооружения.

Существует взаимосвязь между уровнем развития страны и отраслью для привлечения в нее инвестиций с помощью государственно-частного партнерства. В Европе государственно-частное партнерство в области спорта применяется не только в проектах создания/реконструкции объектов спортивной инфраструктуры, но и в проектах других типов. В Великобритании на основе «Частной финансовой инициативы» реализуются проекты по подготовке специалистов в сфере спорта, в том числе профессиональных спортсменов (то есть проекты на стыке спортивной и образовательной сфер). При этом в партнерстве участвуют не только представители государства и бизнеса, но и высшие учебные заведения, а также социально-ориентированные общественные организации. В таких проектах также принимают участие производители спортивного оборудования, заинтересованные в увеличении своей доли на рынке. В мировой практике выделяют три модели государственно-частного партнерства [5]. Узбекистанский рынок государственно-частного партнерства развивается относительно недавно. В стране 10 мая 2019 года был принят Закон «О государственно-частном партнерстве» [6]. Считаем, что потенциал развития в сфере физической культуры и спорта весьма большой. Думается для ускорения данного процесса необходимо:

- максимально задействовать все возможные сферы частного бизнеса;

- совершенствовать нормативно-правовую базу, в том числе в сфере физической культуры и спорта;

-расширять применение новых схем государственно-частного партнерства, в частности контрактов полного жизненного цикла.

Направления развития государственно-частного партнерства [7] в сфере физической культуры и спорта, например, в Российской Федерации, по нашему мнению, объективно характерны и для Республики Узбекистан:

во-первых, взаимодействие городских органов власти, общественных организаций и бизнеса в области подготовки спортивного резерва и проведения физкультурных и спортивных мероприятий;

во-вторых, взаимодействие власти и бизнеса в области развития спортивной инфраструктуры (строительство, модернизация и эксплуатация объектов спортивной инфраструктуры).

В вышеприведенном Законе Республики Узбекистан «О государственно-частном партнерстве» в статье 8, одной из сфер применения государственно-частного партнерства указан спорт. Думается, что здесь будет уместно добавить фразу «и физическая культура». Физическая культура является частью общечеловеческой культуры. Занятия физической культурой должны стать каждодневной потребностью каждого человека. Как приводилось выше, это имеет огромное значение для граждан общества и государства. Но физическую культуру мы не можем отделять от спорта. Спорт - это высшая категория физической культуры. Хотя мы считаем, что спорт – область деятельности для профессионалов, спортсмены – это те же физкультурники, только высшего уровня подготовки

В Республике Узбекистан крупными проектами ГЧП по модели совместного освоения территории в сфере физической культуры и спорта могло бы стать строительство крупных стадионов, например, таких как стадион «Бунёдкор» (в настоящее время «Миллий») либо многофункционального Ледового дворца «Хумо-арена» в г. Ташкенте.

За рубежом также существуют инвестиционные программы и проекты в области спорта.

Например, в Российской Федерации реализован проект в рамках областной и федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–

2015 годы». При реализации проектов в спорте широко используется схема концессионного соглашения. В России закон о концессионных соглашениях действует с 2005 г. [9]. В нашей стране такой Закон «О концессиях» [10] был принят в 1995 году с последующими изменениями и дополнениями, внесенными в 2017 году. Также надо отметить, что концессионные соглашения регулируются и нормами Закона Республики Узбекистан «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» [11].

В ряде зарубежных стран в области государственно-частного партнерства уже давно наметилась тенденция перехода от классических форм концессий к контрактам полного жизненного цикла. Контракт полного жизненного цикла (от англ. *lifecyclecontract*) – это разработанная и успешно применяемая на Западе форма государственно-частного партнерства [12]. Согласно условиям такого контракта одна сторона – исполнитель инфраструктурного проекта за свой счет и с использованием собственных материалов возводит инфраструктурный объект и эксплуатирует его в течение всего расчетного срока эксплуатации (жизненного цикла), осуществляя ремонт, уход и обслуживание.

Другая сторона - государство или муниципальное образование оплачивает за счет бюджета соответствующего уровня услуги по предоставлению объекта в пользование. В большинстве стран с развитым законодательством о государственно-частном партнерстве и богатым опытом реализации проектов в этой сфере, контракт полного жизненного цикла является одной из концессионных форм [13].

В той же Российской Федерации контракты полного жизненного цикла структурируются на основе концессионной модели в соответствии с законодательством. Концессионное соглашение и контракт полного жизненного цикла имеют, по сути, очень схожую природу, но в них наблюдается и существенное отличие. В классической концессии подрядчик сам рассчитывает, какой будет трафик, вычисляет тариф и принимает на себя все риски. А если заключен контракт полного жизненного цикла, то тарифы на услуги физкультурно-спортивной организации будет устанавливать само государство, компенсировав подрядчику недополученную выгоду. Условием

для осуществления сервисного платежа в полном объеме является соответствие физкультурно-спортивного объекта предмету договора согласно контракту.

Таким образом, государственно-частное партнерство является стратегической формой инвестирования в сферу физической культуры и спорта, позволяет достичь главной цели инвестиционной политики, решить ее задачи, путем целенаправленного формирования условий для инвестирования.

На основе вышеизложенного, учитывая все возрастающее значение физической культуры и спорта для граждан, общества и государства, можно сделать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1) внести дополнение в Закон Республики Узбекистан «О концессиях», где в ст.4 указать одним из приоритетных направлений – направление социальной сферы, «строительство и эксплуатацию объектов физкультурно-массового и спортивного назначения».

2) в п.5 ст. 8, Закона Республики Узбекистан ЗРУ № 537 от 10 мая 2109 года, «О государственно-частном партнерстве», дополнить фразой «физической культуры» и спорта.

3) рассмотреть возможность включения в Закон Республики Узбекистан «О государственно-частном партнерстве» заключения контрактов полного жизненного цикла.

Список литературы / References

1. Послание Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису 28 декабря 2018 года // Национальная база законодательства Республики Узбекистан Lex.uz.
2. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения, 2018. № 9.
3. Колмыков А.Г. Институциональные условия модернизации Российской экономики // Экономические науки, 2018. № 81.
4. Айрапетян М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление, 2009. № 2.

5. Айрапетян М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление, 2009. № 2.
6. Закон «О государственно-частном партнерстве»// Национальная база законодательства Республики Узбекистан Lex.uz.
7. Зусман Е., Корнев М. ГЧП в спорте: зарубежный опыт и перспективы в России // Спорт и право, 2018. № 1.
8. Информационное агентство Актуально. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aktualno.ru/view2/19213/> (дата обращения: 27.08.2019).
9. Дерябина М. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики, 2018. № 8.
10. Закон Республики Узбекистан «О концессиях»// Национальная база законодательства Республики Узбекистан Lex.uz.
11. Закон Республики Узбекистан «Об инвестициях и инвестиционной деятельности» // Национальная база законодательства Республики Узбекистан Lex.uz.
12. Якино И. Безжизненный контракт жизненного цикла // Ежедневные экономические вести. 04.08.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nep08.ru/construction/2011/08/04/kontrakt/> (дата обращения: 27.08.2019).
13. Pakkala P., W.de Jong, Aijo J. International Overview Of Innovative Contracting Practices For Roads. Finnish Road Administration, 2017.

**CHILD’S BEST INTERESTS IS THE MAIN GUIDANCE FOR
PROTECTION IN A CASE OF WRONGFUL REMOVAL OR
RETENTION OF A CHILD**

Kurchinskaya-Grasso N.O. (Russian Federation, Italian Republic)

Email: Kurchinskaya-Grasso510@scientifictext.ru

*Kurchinskaya-Grasso Natalia Olegovna - International Law Scholar,
GRASSO LAW FIRM (ITALY – RUSSIA),
MONREALE (ITALIAN REPUBLIC),
Master’s degree Student,*

PROGRAM: INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW,
INTERNATIONAL LEGAL PRACTICE,
RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC
ADMINISTRATION UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN
FEDERATION, MOSCOW

Abstract: *the article considers the protection of the best interest of a child under the 1989 Convention on the Rights of the Child, the 1996 Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation with respect to Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children, and the 1980 Convention on Civil Law Aspects of International Abduction children. The jurisdiction is determined to protect the rights and interests of the abducted child. Some results of a study conducted by Grasso International Law Firm and case examples from the judicial practice of Russia, Italy and other countries are given.*

Keywords: *international child abduction, the 1980 Hague Convention, kidnapping, child's interests, international law, protection of children's rights, custody*

**ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА – ГЛАВНЫЙ ОРИЕНТИР ЗАЩИТЫ
ПРИ ЕГО НЕЗАКОННОМ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ИЛИ
УДЕРЖАНИИ**

Курчинская-Грассо Н.О.

(Российская Федерация, Итальянская Республика)

*Курчинская-Грассо Наталия Олеговна - юрист-международник,
Международное адвокатское бюро Грассо (Италия-Россия),
г. Монреале (Итальянская Республика),
магистрант,*

*программа: международное право, европейское право,
международная юридическая практика,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

Аннотация: *в статье рассматривается вопрос об обеспечении интересов ребенка в рамках Конвенции о правах ребенка 1989 г.,*

Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г. и Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. Определяется юрисдикция, правомочная защитить права и интересы похищенного ребенка. Приводятся некоторые результаты исследования, проведенного Международным адвокатским бюро Грассо, и примеры из судебной практики России, Италии и других стран.

Ключевые слова: международное похищение детей, Гаагская конвенция 1980 г., похищение ребенка, интересы ребенка, международное право, защита прав детей, опека.

Основной интерес ребенка, который должно гарантировать государство его проживания, - обеспечение его гармоничного развития и благоприятной среды обитания (преимущественно - в родной семье). На это нацеливают, прежде всего, следующие международные акты:

- Конвенция о правах ребенка 1989 г. [3], где указано, что наилучшие интересы ребенка являются предметом основной заботы его родителей (п. 1 ст. 18);

- Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19.10.1996 г. [4] (далее – Конвенция 1996 г.), в Преамбуле которой подчеркивается, что «первоочередное внимание должно уделяться наилучшим интересам ребенка»;

- Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980 г. [2] (далее – Конвенция 1980 г.), считающая, что «интересы детей являются проблемой первостепенного значения в вопросах, касающихся опеки над ними».

Соблюдение интересов несовершеннолетнего предписывается уже на стадии определения надлежащей юрисдикции, то есть той, которая правомочна защитить его права и интересы. Так, в пункте 12 Регламента Совета Европейского Союза № 2201/2003 указано, что основания подсудности дел в вопросах ответственности родителей определяются с учетом наилучших интересов ребенка [5].

В последние годы российским судам все чаще приходится обращаться к положениям Конвенции 1980 г., на основании которой заявляются иски о возвращении ребенка, незаконно удерживаемого на территории государства, не являющегося местом его постоянного проживания. При этом, как неоднократно подчеркивалось Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), все решения о возвращении ребенка должны исходить – в первую очередь, – из его интересов. Так, по Делу «Лопес-Гуио (Lopez-Guio) против Словакии» (жалоба № 10280/12), рассмотренному 03.06.2014 г., ЕСПЧ хотя и признал нарушение процессуальных прав заявителя (отца ребенка), тем не менее, в своем Постановлении отразил следующее: «...районный суд допросил ребенка и его представителя и, руководствуясь наилучшими интересами ребенка, решил, что ребенок не должен быть возвращен в Испанию» [7]. Российская судебная практика также нацелена на приоритет интересов несовершеннолетнего. Например, Тверской районный суд г. Москвы своим Решением от 29.05.2017 г. отказал в возвращении двоих несовершеннолетних детей в Германию, так как посчитал, что их нахождение с матерью на территории России соответствует их интересам. Отец детей Д.А. (гражданин ФРГ) не согласился с таким решением и обжаловал его. Однако Московский городской суд своим Апелляционным определением от 02.11.2017 по делу № 33-42817/2017 согласился с Решением суда первой инстанции и оставил апелляционную жалобу Д.А. без удовлетворения [8].

В 2018 - 2019 гг. Международным адвокатским бюро Грассо (Италия-Россия) было проведено исследование, целью которого являлось выявление причин, толкающих одного из супругов на совершение международного похищения ребенка. Его результаты показали, что чаще похитителем являлась мать ребенка (89%), реже – отец (11%), а в 78,6% случаев возраст похищенного ребенка (или, по крайней мере, одного из двух похищенных детей) не достиг 7 лет. Изучение российской судебной практики показало, что порой соблюдаемые судами интересы ребенка базируются на неверно понимаемом положении Принципа 6 Декларации прав ребенка от 20.11.1959 г. [1], гласящего, что «малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда

имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью». Порочность такой практики публичного признания приоритета матери, объясняя это интересами ребенка, критикуется рядом специалистов; например, А.В. Даниленков отмечает, что в правовой системе РФ «прослеживаются определенные константы гендерно-дискриминационной методологии» [9, с. 21], с чем, конечно же, следует согласиться. Полагаем, что Верховному Суду РФ было бы целесообразно обратить внимание судов на юридический статус этой Декларации: на официальном сайте Министерства иностранных дел РФ [13] она не указана в качестве многостороннего международного договора, то есть в качестве документа, обязательного для правоприменителей.

Думается, что в делах, связанных с правами детей, в том числе и с их незаконным похищением или удержанием, проблемным моментом является то, что категория «интерес ребенка» отдана на судебное усмотрение, и при этом в каждом конкретном случае судами используются различные критерии оценки. Прежде всего отметим, что в качестве единственного критерия ни в коем случае нельзя учитывать лишь возраст несовершеннолетнего (в частности, посредством применения вышеуказанного Принципа 6 Декларации прав ребенка). Но примерные критерии в виде рекомендаций для судов и иных правоприменителей, считаем, все же должны быть выработаны. Опираясь при этом возможно на доктринальное определение «законные интересы», сформулированное, например, А.Г. Малиновой в ее диссертационном исследовании: это «недиспозитивные условия благополучия, зафиксированные в нормах-принципах, а также в официально принятых гуманитарных стандартах достойного существования граждан» [10, с. 9-10].

На наш взгляд, в качестве конкретных критериев при рассмотрении исков, основанных на нормах Конвенции 1980 г. и Главы 22.2 ГПК РФ [6], можно было бы считать следующие:

- действия родителей и иных лиц способствуют гармоничному развитию ребенка (по уточнению А.М. Нечаевой, нравственному, духовному и физическому развитию [11, с. 62] и «в благоприятных условиях» [12, с. 17]);

- отсутствие реальной или потенциальной угрозы причинения вреда ребенку. В Конвенции 1980 г. совершенно справедливо предусматривается недопустимость удовлетворения иска, если «имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия» (п. «b» ст. 13);

- достижение ребенком такого возраста и социальной зрелости, что он способен осознавать свои интересы и доступными ему способами защищать их самостоятельно. В статье 13 Конвенции 1980 г. в таком случае предписывается учет мнения ребенка: если он возражает против его возвращения в государство обычного проживания, то со стороны судебного или административного органа может последовать отказ в удовлетворении иска именно по данному основанию. Например, в Италии судами обычно учитывается мнение несовершеннолетнего с 7 лет (Решения I-й Палаты по гражданским делам Высшего кассационного суда Италии: по делу № 9767 от 08.04.2019 г. [14], по делу № 10784 от 17.04.2019 г. [15] и др.).

В завершение отметим, что категория «интерес ребенка» находится не только в плоскости права, но и в иных сферах его жизнедеятельности: учебной, социумной, психологической и др. Поэтому данная категория требует своего постоянного исследования специалистами различных областей науки, но в первую очередь – юридической.

Список литературы / References

1. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385-388.
2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (г. Гаага, 25.10.1980 г.) // Бюллетень международных договоров, 2013. № 1.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993.
4. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (г. Гаага, 19.10.1996 г.) // Бюллетень международных договоров, 2014. № 1.
5. Регламент Совета Европейского Союза № 2201/2003 «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» (г. Брюссель, 27.11.2003 г.; с изм. и доп. от 02.12.2004 г.). [Электронный ресурс]. Регламент на русском языке подготовлен для публикации в системах КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2019).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ, 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 03.06.2014 г. по делу «Лопес-Гио (Lopez-Guio) против Словакии» (жалоба № 10280/12) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2014. № 10.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.11.2017 г. по делу № 33-42817/2017. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.08.2019).
9. Даниленков А.В. Единоличная опека над малолетним ребенком: проблемы правоприменения // Нотариус, 2018. № 1. С. 21-25.
10. Малинова А.Г. Категория «интерес» в семейном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 27 с.
11. Нечаева А.М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика, 2012. № 6. С. 59-67.
12. Нечаева А.М. Споры о неделимом // Российская юстиция, 2016. № 2. С. 15-18.

13. Перечень многосторонних международных договоров // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/ (дата обращения: 21.07.2019).
14. La Corte Suprema di Cassazione Sez. I Civile, Sentenza n. 9767 del 08/04/2019. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: <http://www.italgiure.giustizia.it/sncass/> (дата обращения: 10.07.2019). На итал. яз.; перевод автора.
15. La Corte Suprema di Cassazione Sez. I Civile, Sentenza n. 10784 del 17/04/2019. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: <http://www.italgiure.giustizia.it/sncass/> (дата обращения: 10.07.2019). На итал. яз.; перевод автора.

FUNCTIONS PROSECUTOR'S OFFICE

Morozkov A.V. (Russian Federation)

Email: Morozkov510@scientifictext.ru

Morozkov Alexander Vladimirovich - Student,

*DEPARTMENT OF CRIMINAL, PENAL LAW AND CRIMINOLOGY,
SOUTH URAL STATE UNIVERSITY, CHELYABINSK*

Abstract: *the article describes the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, which do not have an exhaustive list. The functions of the Prosecutor's Office were reflected in several legal acts, such as the Constitution of the Russian Federation, in the Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation, and in other regulatory legal acts. Therefore, it was concluded that the law combines all the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The main functions of the prosecutor's office, which are included in the section of supervisory functions, non-supervisory and organizational, were also highlighted. At the same time, the human rights function was considered and designated as a separate independent function.*

Keywords: *prosecutor's Office of the Russian Federation, function, law, supervision, protection of the rights and freedoms of citizens.*

ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Морозков А.В. (Российская Федерация)

*Морозков Александр Владимирович – студент,
кафедра уголовного, уголовно-исполнительного права и
криминологии,*

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Аннотация: в статье дается характеристика функциям Прокуратуры Российской Федерации, которые не имеют исчерпывающего перечня. Свое отражение функции Прокуратуры нашли в нескольких правовых актах, таких как Конституция РФ, в Законе о Прокуратуре РФ и в иных нормативных правовых актах. Поэтому был сделан вывод об объединении в законе всех функций Прокуратуры РФ. Также были выделены основные функции прокуратуры, входящие в раздел надзорных функций, ненадзорных и организационных. В то же время была рассмотрена правозащитная функция и обозначена как отдельная самостоятельная функция.

Ключевые слова: Прокуратура Российской Федерации, функция, закон, надзор, защита прав и свобод граждан.

Функция является обязанностью, кругом деятельности¹. Понятие функции прокуратуры не предусмотрено законом о прокуратуре и другими правовыми актами. Поэтому я хотел бы указать на точку зрения Коленко О.И., который под функцией прокуратуры как государственного органа рассматривает общие обязанности, которые определяются ее правовым статусом, местом и назначением в государственном механизме, для решения задач верховенства закона, укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемые законом интересы общества и государства осуществляются путем решения общих, специальных и специфических задач и выполнения для этой цели с использованием специфических властных полномочий [5, с. 53]. Трудно не согласиться с таким мнением о функциях прокуратуры,

¹ Словарь Ожегова электронный ресурс // URL: <http://tolkslovar.ru/>

целью которой является обеспечение законности и защита прав и свобод граждан.

Прокуратура выполняет множество функций, то есть обладает широкими полномочиями, закрепленными в законе о прокуратуре, в федеральном законе, а также другими правовыми актами. Например, в ч. 1 ст. 1 Закона «о Прокуратуре Российской Федерации» - «...надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением действующих законов на территории Российской Федерации. Прокуратура Российской Федерации также выполняет другие функции, установленные федеральными законами»¹. А значит, функции прокуратуры также может находить свое отражение и в других нормативных актах. Также указав в ст. 3 Закона «о Прокуратуре Российской Федерации», что полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом № 2202-1 и другими федеральными законами, Международным договорами Российской Федерации. Однако «на прокуратуру Российской Федерации не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами»². Поэтому можно сделать вывод, что точного перечня функций прокуратуры Российской Федерации нет.

Также многие исследователи считают, что прокуратура выполняет только надзорную функцию, в число этих авторов входят В.С. Тадевосян, Ю.А. Каленов, В.Г. Лебединский и А.Я. Сухарев. С.А. Авакьян придерживается мнения, что прокуратура выполняет такие функции, как: прокурорский надзор, предварительное расследование, участие прокурора в рассмотрении дел судами, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, правотворческая деятельность.

Все функции прокуратуры разделяются на надзорные, ненадзорные и организационные. При этом надзорная функция является традиционной. Эта функция отвечает за осуществлением надзора за соблюдением Конституции и РФ и исполнением законов, которые действуют на территории Российской Федерации.

¹ Ст. 1 Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" // СЗ РФ, 1995. N 47. ст. 4472.

² Там же: Ст. 3.

К ненадзорным функциям относятся: уголовное преследование и участие в рассмотрении дел судами, так как они отвечают не за соблюдение законов, а за защиту прав и свобод граждан, а также изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления.

К третьему виду функций прокуратуры РФ относят организационные. В эту категорию попали такие функции как: рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений; координация деятельности по борьбе с преступностью; участие в правотворческой деятельности; международное сотрудничество.

К полномочиям прокуратуры также относятся:

1) Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов;

2) Ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора.

Прокуратура также выполняет функции, относящиеся к смешанному типу, например:

- контроль соответствия между расходами и доходами лиц, которые замещают государственные должности и других лиц;
- согласование ежегодных планов и формирование ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- согласование и формирование ежегодного сводного плана, ежегодных планов проверки деятельности органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- координировать деятельность контрольных органов (надзор) при планировании и проведении проверок в отношении органов государственной власти субъектов Федерации и муниципальных органов власти.

В соответствии со статьей 27 Федерального закона «о Прокуратуре РФ», при выполнении возложенных на него функций прокурор рассматривает и проверяет заявления, жалобы и другие сообщения о нарушении прав и свобод человека и

гражданина; разъясняет жертвам порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба [3, с. 47].

Среди авторов существует широкое мнение о выделении правозащитной функции прокуратуры Российской Федерации в качестве отдельной, в ее защиту вступает и В.В. Росинский. По его мнению, защита прав и свобод человека и гражданина является самостоятельной функцией прокуратуры, наряду с функциями контроля за соблюдением Конституции Российской Федерации и законов; уголовное преследование; поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве и участия прокурора в суде. Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации реализуется не только в процессе контроля за защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина, но и с учетом правозащитной практики других видов деятельности органов прокуратуры и учреждений [6, с. 82].

С этим мнением невозможно не согласиться, так как правозащитная функция в прокуратуре действует во всех направлениях и сферах деятельности. Опять же, таким образом, права и свободы граждан будут реализованы всеми органами и должностными лицами, а также обеспечат уверенность граждан в защите их прав и свобод.

Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью заключается в том, что прокуроры координируют деятельность органов по повышению эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению. В то же время правоохранительные органы включают охрану общественного порядка и безопасности, оперативно-розыскные мероприятия, дознание и предварительные следствие.

Функция уголовного преследования тесно связана с этой функцией. Как закреплено в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовное преследование

является, соответственно, процессуальной деятельностью, осуществляемой обвинением с целью изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В то же время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет прокурора такими полномочиями, как надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания, а также уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

Основное различие между этими двумя функциями заключается в специфике: надзор ведется с целью выявления и нарушения властями закона, а цель прокурорского преследования состоит в выявлении и обвинении лиц, совершивших преступление.

Прокурор также осуществляет уголовное преследование в ходе судебного производства, то есть участвует в рассмотрении судами уголовных, административных, гражданских и арбитражных дел, а также дела, рассматриваемые Конституционным Судом РФ и Конституционными (уставными) судами субъектов РФ. При осуществлении данной функции прокурор вправе обжаловать незаконное или необоснованное решение, приговор, определение или постановление в вышестоящий суд.

Немаловажная функция, выполняемая прокурором, это правотворческая деятельность, то есть прокуроры принимают участие в развитии и улучшении законодательства. Так, прокурор вправе вносить предложения об изменении, отмене или о принятии НПА; разрабатывать проекты и подготавливать модель правового акта; изучать проекты НПА и подготавливать на них правовые заключения.

Нормотворческая функция прокуратуры тесно пересекается с надзорной функцией и главным различием является то, что надзор ведется за принятые нормативные акты, а правотворческая деятельность направлена на принятие и совершенствование НПА в соответствии с законом.

Важной функцией Прокуратуры также является международное сотрудничество, благодаря которой осуществляется взаимосвязь с органами и организациями иностранных государств, а также заключаются соглашения по вопросам правовой помощи и

борьбы с преступностью, участие в разработке международных договоров РФ.

В отдельную функцию выделено возбуждение дел об административных правонарушениях, это также связано с тем, что при осуществлении надзорной функции, прокурор привлекает лицо к административной ответственности за нарушения его указаний. Также ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ в компетенцию Прокурора входит возбуждение административных дел за нарушение прав граждан, посягающих на здоровье и общественную нравственность, на общественный порядок и общественную безопасность и др.¹ Все это входит в самостоятельную функцию – административного преследования [4, с. 1350-1356].

Также выделены такие функции прокуратуры как:

1) Ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результаты следственной работы и прокурорского надзора;

2) контроль за соответствием расходов и доходов лиц, замещающих государственные должности и иных лиц;

3) согласование ежегодных планов и формирование ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и частных предпринимателей;

4) согласование и формирование ежегодного сводного плана, ежегодных планов проверки деятельности органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

5) Координация деятельности контрольных органов (надзорных) при планировании и проверке органов государственной власти субъектов Федерации и муниципальных органов власти.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что нет четкого перечня функций прокуратуры и, следовательно, ведутся дискуссии по юридическим категориям функций. В связи с этим должны быть внесены изменения в закон в прокуратуре

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

Российской Федерации, необходимые для определения значимости назначения прокуратуры.

Список литературы / References

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ, 1995. № 47. Ст. 4472.
 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
 3. *Алябышева М.А.* К вопросу о правозащитной функции прокуратуры Российской Федерации // Молодой ученый. [Электронный ресурс], 2018. № 15. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/201/49500/> (дата обращения: 22.07.2019).
 4. *Гальченко А.И.* Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex Russica. [Электронный ресурс], 2014. № 11. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-spornye-voprosy/> (дата обращения: 25.07.2019).
 5. *Куленко О.И.* Функции Российской прокуратуры и их конституционная природа // Вестник ЧелГУ. [Электронный ресурс]. 2008. № 8. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-rossiyskoy-prokuratury-i-ih-konstitutsionnaya-priroda/> (дата обращения: 25.07.2019).
 6. *Росинский В.В.* Конституционные основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации: монография. М., 2010. 224 с.
 7. Словарь Ожегова / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tolslovar.ru/> (дата обращения: 05.08.2019).
-

PROBLEMS OF PRE-JUDICIAL SETTLEMENT OF DISPUTES IN LITIGATION PROCEDURE IN CARGO TRANSPORTATION

Shesternina D.S. (Russian Federation)
Email: Shesternina510@scientifictext.ru

*Shesternina Daria Sergeevna - Master Student,
FACULTY OF ECONOMICS AND LAW,
RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS G.V. PLEKHANOV,
MOSCOW*

Abstract: *this article addresses the issue of compliance rules and legal regulation of the claims procedure in disputes arising from the transport of goods by various modes of transport.*

The object of this study is the totality of public relations arising from the presentation of claims and claims in freight traffic.

The subject of this study was the legal basis and judicial practice of the contract for the carriage of goods, as well as the claim procedure for resolving disputes arising from the carriage of goods.

The methodological basis of the article is the dialectical method of scientific knowledge and a systematic approach. In the course of work, we used general scientific methods and techniques such as analysis, analogy, and forecasting.

The scientific novelty of this study is manifested in the analysis, consideration, provisions on the legal regulation of claims and claims in freight traffic. The conclusions that are formulated in this paper can be used in the process of improving domestic legislation in the field of claims and claims in freight traffic.

Keywords: *cargo transportation, claim procedure, limitation period, pre-trial procedure for dispute settlement, cargo transportation contract, carrier, consignee, consignor, claim, jurisdiction, jurisdiction, transport system.*

ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ПРЕТЕНЗИОННОМ ПОРЯДКЕ В ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗКАХ

Шестернина Д.С. (Российская Федерация)

*Шестернина Дарья Сергеевна – студент-магистр,
факультет экономики и права,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва*

Аннотация: *в данной статье затрагивается проблема правил соблюдения и правового регулирования претензионного порядка в спорах, возникающих при осуществлении грузовых перевозок различными видами транспорта.*

Объектом данного исследования является совокупность общественных отношений, возникающих при предъявлении претензий и исков в грузовых перевозках.

Предметом данного исследования стала правовая основа и судебная практика договора перевозки груза, а также претензионный порядок рассмотрения споров, возникающих при перевозке грузов.

Методологической основой статьи стали диалектический метод научного познания и системный подход. В ходе работы использовались общенаучные методы и приемы, такие как анализ, аналогия и метод прогнозирования.

Научная новизна данного исследования проявляется в анализе, рассмотрении положений о правовом регулировании претензий и исков в грузовых перевозках. Выводы, которые сформулированы в данной работе, могут быть использованы в ходе совершенствования отечественного законодательства в области претензий и исков в грузовых перевозках.

Ключевые слова: *перевозки грузов, претензионный порядок, срок исковой давности, досудебный порядок урегулирования спора, договор перевозки грузов, перевозчик, грузополучатель, грузоотправитель, претензия, подсудность, подведомственность, транспортная система.*

На рубеже XX-XXI веков в нашем государстве произошли значительные изменения. В первую очередь, это демократические преобразования, которые коснулись всех сфер жизни, в том числе экономики и права. В ч.1 ст.1 Конституции Российской Федерации установлено, что «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

Произошедшие реформы и изменения, затронули основные правовые институты и отрасли права. Активное развитие получило договорное право и иные цивилистические институты [12, с. 54].

Дальнейшее развитие экономики не представляется возможным без развития и реформирования транспортной сферы. В современных условиях развития рыночной экономики трудно представить свою жизнь, без транспорта и перевозок. Каждый день совершается множество перевозок, которые призваны обеспечивать перемещение физических лиц, так и грузов в пределах государства, так и за его границами.

В Российской Федерации установлена единая транспортная система, отвечающая за развитие национального производства и включающая в себя железнодорожный, автомобильный, речной, морской, воздушный транспорт. Перевозки груза занимает ведущее место в транспортной системе Российской Федерации, после пассажирских перевозок. По данным Министерства транспорта Российской Федерации, на территории нашего государства ежедневно производится перевозка более 80 миллионов грузов [15].

Перевозка грузов играет не только правовую, но и экономическую роль, поскольку при помощи перевозки грузов происходит удовлетворение потребностей населения в перемещении в пространстве и в пределах определенной территории необходимого им груза. Очевидно, что правовое регулирование перевозки грузов очень важно.

В настоящее время удовлетворение правовых потребностей в транспортных услугах населения осуществляется по средствам гражданско-правовых договоров перевозки. Лидирующие позиции по перевозке занимает перевозка грузов.

Основные проблемы связанные с договором перевозки грузов обусловлены правовой безграмотностью, которая допускается при

заключении данного вида договора перевозки, порождающая в дальнейшем споры и конфликты.

Договор перевозки грузов является одной из разновидностей договора об оказании услуг. Субъектный состав данного договора обладает рядом особенностей. Речь идет об особом статусе перевозчика, которым, как правило, является транспортная компания или индивидуальный предприниматель, занимающийся деятельностью по перевозке грузов. Структура транспортных отношений является трехзвенной, наряду с перевозчиком и отправителем груза имеется также лицо, уполномоченное на получение груза, т.е. грузополучатель. При этом грузополучатель не является стороной договора, но выступает стороной транспортных обязательств, поскольку имеет права и обязанности.

Транспортный процесс нуждается в четком порядке и соблюдении всех законных требований на всех его стадиях. Реализация данных задач возможна только по средствам правильного использования правовых средств, в том числе по договорам грузовых перевозок [14, с. 154].

При возникновении разногласий между сторонами по договору перевозки грузов, которые они не смогли урегулировать самостоятельно, должны быть рассмотрены в суде. Однако для перевозки грузов обязательно должен быть соблюден досудебный порядок урегулирования спора (претензионный) [16, с. 118]. В этом заключается специфика споров, вытекающих из грузовых перевозок.

Обязательность претензионного порядка рассмотрения спора регламентирована ст. 797 Гражданского кодекса Российской Федерации. Предъявление иска к перевозчику отправителем или получателем груза возможен только при отказе перевозчика удовлетворить предъявленную ему претензию или же когда имеет место отсутствие ответа перевозчика на претензию в тридцатидневный срок. При несоблюдении претензионного порядка по договору перевозки грузов истец лишается права на предъявление иска.

Гражданский кодекс не устанавливает сроков на предъявление претензий и не содержит ссылок на транспортные уставы и кодексы.

Поэтому можно сделать вывод, что применяется срок исковой давности равный 1 году. В этот срок входит период, необходимый для предъявления и рассмотрения перевозчиком требований будущего истца [11, с. 315].

При отказе в рассмотрении предъявленной претензии или неполучении ответа на претензию, в установленном законом, общий тридцатидневный срок, грузополучатель или грузоотправитель получает право обратиться в суд, за защитой своих нарушенных прав.

В данном случае претензионный порядок разрешения спора будет считаться соблюденным и предъявленное в суд заявление будет рассмотрено по существу [7].

Также, в п.46 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 № 30 (ред. от 01.07.2010) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» установлено, если не было получено ответа по претензии от перевозчика в тридцатидневный срок, и заявитель повторно предъявляет претензию, это не лишает его права обращения в суд с заявленными требованиями и рассмотрения данного дела по существу [7].

Согласно ст. 125 УЖТ течение одного года начинается со дня наступления событий, послуживших основаниями для предъявления претензий, а не со дня получения ответа на претензию или истечения срока для ответа на претензию. Аналогичное начало срока исковой давности исчисляется и для морских перевозок, перевозок внутренним водным транспортом, автомобильным транспортом.

Претензия представляет собой обращение стороны договора с требованием, которое возникает при нарушении или ненадлежащим исполнении положений договора перевозки груза.

Закон предусматривает право на предъявление иска для следующих субъектов:

- Отправитель вправе предъявить претензию при невыполнении перевозчиком обязанности по подачи транспортного средства, которым будет производиться перевозка груза;

- Отправитель и грузополучатель - при утрате груза исходя из того, кто предъявляет транспортные документы на груз;

- Грузополучатель при повреждении, утрате или порче полученного груза, в том числе при просрочке срока доставки груза против коносамента или накладной [9, с. 69].

Иные лица не вправе предъявлять претензию перевозчику по договору перевозки грузов.

Право грузополучателя или грузоотправителя на предъявление претензии к перевозчику закреплено в ст. 120 УЖТ, ст. 161 КВВТ, ст. 125 ВК, ст. 39 УАТ. А также случаи, в которых это можно сделать.

В транспортных уставах и кодексах не предусмотрена передача грузоотправителем или грузополучателем своего права на предъявление претензии и иска третьему лицу.

Передача права возможна только в случае его передачи грузоотправителем грузополучателю и наоборот, а также кем-то из них экспедитору или страховщику [3. Статья 404].

Обязательный претензионный порядок урегулирования споров в морской перевозке грузов может быть описан в самом договоре, как и в общем порядке. Но Кодекс торгового мореплавания РФ выделяет отдельно обязательное предварительное предъявление перевозчику претензии лишь при перевозке грузов в каботаже.

На основании ст. 797 ГК, а также ст. 406 КТМ, ст. 163 КВВТ, ст. 39 УАТ претензии к перевозчику предъявляются в любой момент в пределах исковой давности.

Но в этот срок должен быть давать перевозчику не менее 30 дней до истечения срока исковой давности для рассмотрения полученной претензии.

Отдельные претензионные сроки для воздушных и железнодорожных перевозок установлены в ст. 126 ВК и ст. 123 УЖТ соответственно. Они составляют 6 месяцев.

Такие сроки противоречат нормам ГК РФ, поэтому предъявление претензии к перевозчику за пределами установленных претензионных сроков при соблюдении общего порядка предъявления претензии не является препятствием для судебной защиты нарушенных прав [3, статья 403].

В тоже время несоблюдение претензионного порядка может привести к тому, что претензия будет считаться непредъявленной, что может служить основанием для суда для

оставления искового заявления без рассмотрения [4. Статья 148]. Но на практике нарушение срока на подачу претензии не указывает на несоблюдение истцом претензионного порядка урегулирования спора [7].

Считается, что предъявление претензии после истечения срока для ее подачи, но в течение срока исковой давности, не может быть препятствием для рассмотрения дела по существу.

Поэтому можно сделать вывод о том, что пропуск установленного срока подачи претензии не будет основанием для оставления искового заявления без рассмотрения и, следовательно, не лишает истца права на судебную защиту [5, п. 46].

Споры, вытекающие из грузовых перевозок подведомственны арбитражному суду согласно ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Данный вывод вытекает из п. 8 ч.6 указанной статьи, где написано, что арбитражному суду подведомственны дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью [4].

В ст.797 Гражданского кодекса Российской Федерации установлен срок, в течение которого данный иск может быть предъявлен в суд – один год, с момента, который определяется транспортными уставами или кодексами [2].

В ст.38 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлена исключительная подсудность для споров, вытекающих из договора перевозки грузов, а именно, иски, предъявляемые перевозчику по договору перевозки грузов, предъявляются в арбитражный суд по месту нахождения перевозчика [4]. Такая подсудность независима от решения истца или соглашения между сторонами в деле. Речь идет о месте нахождения транспортной компании, к которой ранее была предъявлена претензия.

Подсудность в статьях 35, 36 АПК РФ может быть изменена по соглашению сторон до того, как арбитражный суд примет заявление к своему производству. Но эта норма не распространяется на ст. 38 АПК РФ, тем самым, не предусматривая возможности изменения подсудности.

В случае, если арбитражный суд во время рассмотрения дела в суде выяснит, что его принятие произошло с нарушением правил

подсудности, то он передает дело на том же уровне, но на рассмотрение другого арбитражного суда [4. Статья 39].

Рассмотрев судную практику по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что чаще всего не истцы не соблюдают подсудность из-за невнимательности при ознакомлении с положениями АПК РФ.

Так, определением Арбитражного суда Забайкальского края о передаче дела по подсудности дело подлежало передаче по подсудности в Арбитражный суд Хабаровского края. [9]. Одним из оснований к передаче послужила отсылка к письму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.04.2004 № С1-7/уп-389, к котором указывалось, что железные дороги, раньше являлись перевозчиками как самостоятельными юридическими лицами, а в настоящее время они имеют статус филиала по генеральной доверенности открытого акционерного общества.

А так как в ч. 5 ст. 36 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что иск к юридическому лицу филиала, расположенного вне места нахождения юридического лица, может быть предъявлен в арбитражный суд по месту нахождения юридического лица или его филиала [4].

В данном деле спор вытекал из деятельности филиала ОАО "РЖД" - Дальневосточной железной дороги, в состав которой входит железнодорожная станция назначения перевозимого груза - Комсомольск-на-Амуре. А так как местонахождение Дальневосточной железной дороги — это город Хабаровск, то суд пришел к выводу, что иск должен быть предъявлен в Арбитражный суд Хабаровского края.

Кроме, того Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 указывает, что истец может подать исковое заявление с требованиями к перевозчику (за исключением лиц, осуществляющих судоходство на внутренних водных путях) по правилам подсудности для исков о защите прав потребителей, а суд будет не вправе возратить такое исковое заявление [6].

Пояснение данное выше относится к исключительной подсудности дел, рассматриваемых в гражданском процессе. Таким образом, согласно части 3 статьи 30 ГПК РФ иск подается по месту нахождения перевозчика [2].

Что касается обстоятельств, подлежащих доказыванию, то по делам, вытекающим из грузовых перевозок, возникает множество трудностей относительно их определения. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому конкретному делу особенны, однако в Обзоре судебной практики Верховный суд, указывает единообразный подход по рассмотрению аналогичных дел. [8]. Прежде всего основными документами, служащими в качестве доказательства являются транспортная накладная, коносамент, так как в них прописывается основная информация о грузе (вес, количество, габариты), пункт назначения для принятия груза, сроки и иные условия по договоренности сторон, на которые можно ссылаться в суде.

В целом, необходимо сказать, что, учитывая важность транспортной сферы как составной части национальной экономики, лидирующие позиции перевозки грузов, данное законодательство нуждается в реформировании и совершенствовании, поскольку имеет большое количество пробелов и противоречий в претензионных и исковых порядках.

Претензионный порядок регулируется нормами закона, а также условиями договора. Досудебный порядок урегулирования спора выполняет примирительную и доказательственную функцию.

При возникновении споров, вытекающих из договора перевозки грузов, предусмотрен и досудебный порядок их урегулирования, предполагающий предъявление претензии перевозчику. При неполучении ответа на претензию в течение 30 дней или же в случае отказа, в удовлетворении претензии, грузополучатель или грузоотправитель получают право обращения в суд за защитой своих нарушенных прав. Данные споры подведомственны арбитражному суду. Иск предъявляется по месту нахождения перевозчика.

В настоящее время возрастает количество судебных споров, вытекающих из договоров грузовых перевозок. Очевидно, что противоречия и пробелы в законодательстве вызывают массу судебных обращений.

Исследование проблем претензионного и искового порядка разрешения споров в сфере грузовых перевозок приводит к следующим выводам.

1. Соблюдение претензионного порядка является одним из необходимых условий реализации права на обращение в арбитражный суд по спорам, возникающим из грузовых перевозок, предусмотренного законом или договором.

2. Претензионный порядок не является обязательным при разрешении споров для всех видов транспорта.

3. Нарушение срока предъявления претензии могут повлечь различные правовые последствия.

4. Течение срока исковой давности начинается со дня наступления событий, послуживших основаниями для предъявления претензий, а не со дня получения ответа на претензию или истечения срока для ответа на претензию.

5. Общий срок претензионного порядка составляет 1 год. Исключение составляют 6 месячный срок в железнодорожных и воздушных перевозках.

6. Положения специализированных транспортных уставов и кодексов не соответствуют ГК РФ относительно вопроса об ограничении и устранении ответственности перевозчика.

7. Перечень документов, которые прилагаются к претензии при обращении в арбитражный суд, указаны в соответствующих актах, регламентирующих транспортные отношения.

8. Соблюдение претензионного порядка в отношении ответчика должно подтверждаться доказательством отправки ему необходимых документов. В противном случае отсутствие доказательств может привести к невозможности рассмотрения дела.

9. Одним из теоретических выводов по работе является то, что в российском законодательстве отсутствует правовое понятие «перевозки».

В связи с этим целесообразно ввести ряд изменений и дополнений в статьи законодательства, касающихся претензий и исков в грузовых перевозках.

1. Следует ввести в КВВТ РФ положения, предусматривающие ответственность перевозчика без вины, как это предусмотрено для всех остальных видов перевозок согласно п. 3. ст. 401 ГК РФ.

2. В ст. 797 ГК РФ следует включить положения, касающиеся нарушения срока для принятия и рассмотрения претензии перевозчиком как это указано в УЖТ РФ и ВК РФ.

3. Также в п. 2 статьи 797 ГК РФ следует добавить, что право на предъявление к перевозчику претензии имеет также страховщик, выплативший страховое возмещение грузоотправителю или грузополучателю за ненадлежащее исполнение перевозчиком обязательств по перевозке.

4. Следует делать отсылки на положения статей ГК РФ как на законодательный акт, содержащий общие положения о грузовых перевозках в случаях, если в специализированных транспортных кодексах и уставах есть противоречия.

5. В связи с отсутствием правового понятия «перевозки» в российском законодательстве можно использовать понятие «перевозочная деятельность». Перевозочная деятельность- это деятельность, связанная с выполнением организационных и технологических операций по безопасному перемещению грузов, пассажиров и багажа автомобильным, железнодорожным, воздушным, водным и другими видами транспорта, осуществляемая на основе договора или других законных основаниях и с соблюдением норм и правил законодательства о транспортной деятельности [1].

Список литературы / References

1. Модельный закон «О транспортной деятельности». Принят на двадцать девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Постановлением от 31 октября 2007 года № 29-8 [Электронный ресурс] / Законодательство стран СНГ - 2003-2018. Электрон. дан. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62948/ (дата обращения: 02.09.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // "Собрание законодательства РФ", 03.05.1999. № 18, ст. 2207. П. 1 Статьи 403.

4. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012. Статья 148.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 01.07.2010 n 37 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 6 октября 2005 г. N 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // «Вестник ВАС РФ», № 9, 2010. п. 46.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // «Российская газета», № 156, 11.07.2012.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 № 30 (ред. от 01.07.2010) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // «Вестник ВАС РФ», № 1, 2006. п. 42.
8. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017) // документ не был опубликован. [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. 1999 - 2018. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285603/ (дата обращения: 02.09.2019).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2015 по делу № А40-199572/14 [Электронный ресурс] / Арбитражная практика для юристов. - 2007-2018. – Электрон. дан. - Режим доступа: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/1941-qqe-16-m4-20-04-2016-narushenie-pretenzionnyh-srokov/> (дата обращения: 02.09.2019).
10. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2012 № А19-15518/2012 [Электронный ресурс] / Юрист компании. Электрон. дан. Режим доступа: <https://www.law.ru/question/39863-podsudnost-spora-po-dogovoru-perevozki/> (дата обращения: 22.05.2018).

11. *Братенков С.И.* Досудебное урегулирование споров как способ решения проблемы роста нагрузки на судей // Российская юстиция, 2011. № 10. 69 с.
12. *Витрянский В.В.* Перевозка (гл. 40) / Гражданский кодекс России. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. С. 412–413.
13. *Гонгало Б.М.* Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.
14. Коммерческое право: Учебник / Под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб., 1997. 315 с.
15. *Титов И.В., Батищев И.И.* Грузовой автомобильный транспорт в России: состояние и перспективы развития // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике, 2016. № 5 (36). С. 154.
16. Транспорт в цифрах. Министерство транспорта Российской Федерации // [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-ресурс Министерства транспорта Российской Федерации, 2010 - 2017. Электрон. дан. Режим доступа: https://www.mintrans.ru/activity/detail.php?SECTION=2478_ID/ (дата обращения: 25.02.2018)
17. *Штыков В.П.* Значение претензионного порядка в отношениях по перевозке // Вестник СГЮА, 2015. № 4 (105). 118 с.

THE FUTURE OF ANTI-MONEY LAUNDERING REGULATION. AUTOMATISATION OF THE PROCESS

Aroian M.Yu. (Russian Federation) Email:

Aroian510@scientifictext.ru

*Aroian Mariam Yurievna – Bachelor Student,
LAW DEPARTMENT,
SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT-PETERSBURG*

Abstract: *is it always possible for banks to monitor that huge amount of information that they have to work with on every day basis? Is*

shifting the responsibility of the government entities onto the financial institutions should be considered fair and effective? As the legality insurance obligation is vested in law enforcement authorities, the banks should not suffer because of the lack of information they have or the absence of legality of the transactions they provide unless they act negligently or intentionally. Hence, the issue of the AML regulations should be rethought in the future. The author of the present article explains, why information technologies will play a huge role in this aspect.

Keywords: money laundering, anti-money laundering regulation, financial operations, transactions, information technologies, artificial intelligence.

**БУДУЩЕЕ АНТИОТМЫВОЧНОГО ЗАКОНА.
АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ
Арьян М.Ю. (Российская Федерация)**

*Арьян Мариам Юрьевна – студент бакалавриата,
юридический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация: всегда ли банки способны анализировать то огромное количество информации, с которой им приходится работать каждый день? Следует ли считать возложение огромной ответственности в части антиотмывочного регулирования на финансовые учреждения справедливым и эффективным? Поскольку обязанность по контролю за законностью лежит на правоохранительных органах, банки не должны испытывать лишения или ограничения в связи с недостатком информации, которой они располагают, если только они не действуют умышленно или неосторожно. Следовательно, антиотмывочный закон нуждается в корректировках. Автор статьи раскрывает, какую роль в этом процессе играют информационные технологии.

Ключевые слова: отмывание преступных доходов, легализация преступных доходов, антиотмывочное законодательство,

финансовые операции, сделки, информационные технологии, искусственный интеллект.

Paragraph 3. Future of AML regulations. Automatisations of the process. Subject of administrative liability

Financial institutions try to shorten the amount of money, time and resources that are used to meet AML Law. It is pointless to deny the impact that modern technologies have on our daily life. The effect of IT technologies and, especially, artificial intelligence is huge. Since there is an AML programme created by Ayasdi company that involved AI in AML regulations, then the legal aspects of that should also be discussed as some financial institutions have already embarked on that programme.

The involvement of artificial intelligence in anti-money laundering process arises several questions. First of all, who will bear responsibility and liability in case of a breach of AML Law? Secondly, can the use of AI in AML process become legally binding in order to provide the better level of effectiveness of AML process?

To start with the framework of AI programme in AML regulations should be investigated and explained. As one of the biggest companies in the field of artificial intelligence is Ayasdi, then its AML programme will be used as example to proceed from. As described by the company itself, Ayasdi's technology automatically assembles self-similar groups of customers and customers-of-customers, provides complete transparency into what is driving the segmentation and the ranking and produces the complete documentation workflow, operates in the bank's standard workflow producing ranked lists to the investigative team or into the appropriate downstream applications, monitor newly arriving data, identifies changing patterns and suggests updates to segments and rankings based on that information [2].

To sum up, artificial intelligence is involved to fulfil the same duties as the bank's subject matter experts. As this programme can adjust the amount of money payable for the AML process by 30-40 percent and lead to reduction in false positives of around 25% as it happened to one of the world's largest banks, some financial institutions have already embarked on that programme. Although, Russian courts have not faced the problem of AI's mistakes qualification yet, there is such case in US practice. The Jeremy D Stone Consultants Ltd v National

Westminster Bank Plc [2013] EWHC 208 (Ch) [1] case shall be investigated in order to prepare a well-considered Russian practice. The High Court considered whether automated AML program was sufficient to monitor transactions in order to identify suspicious behaviour. The claimants alleged that the bank did not manage to identify that the defendant was perpetrating a fraud. In case at hand the High Court stated that relying on an automated monitoring system was sufficient to meet the AML Law, noting that only in exceptional circumstances would manual monitoring be required. Although, the main issue of this case was the question of credibility, the resolution of the court confirms that it is quite possible to use automated AML system in financial institutions. Neither CAO, nor AML law and other laws provide rules that can potentially oblige financial institutions to embark on substantial programmes in order to fulfil AML requirements. Then AI's programmes cannot be legally binding, however, shall be in order to provide effectiveness and economy.

Shall the financial institution bear the risk of the AML programmes's mistake which could be made by the automated machine without manual interruption? According to the article 15.27 of the CAO of the Russian Federation either an organisation that carries out transactions with money or other property or its officials can be the subjects of administrative offence under the present article. Subsequently, it seems impossible to invoke artificial intelligence as the subject of the offence. Consequently, the question of administrative resolution arises. Who shall bear administrative liability in such cases? That could be both financial institutions and its officials depending on the internal hierarchy of the organisation. This question shall also be answered in the light of the framework of organization of the automated system. The programme described above is not just a common automatization, it is highly developed artificial intelligence. Consequently, it will be hard to invoke liability for officials as the system is wholly automated. But if the level of automatization is low and officials of certain organization shall confirm the results of programme's research and somehow verify it, then that officials can be defined as appropriate subjects of administrative liability. As the law remains silent and practice has not yet evolved, attention shall be paid to the idea that administrative liability shall in any way be

invoked in order to exclude the abuse of right that might appear if financial institutions use automated anti-money laundering systems in order to escape from liability.

References in English / Список литературы

1. Case: Jeremy D Stone Consultants Ltd v National Westminster Bank Plc [2013] EWHC 208 (Ch).
2. Anti-money laundering. Ayasdi // [Electronic Resource]. URL:: <https://www.ayasdi.com/solutions/anti-money-laundering/> (date of access: 28.08.2019).

THE ROLE OF VIDEO MATERIAL IN THE COGNITIVE ACTIVITY OF LEARNERS

Abdullaeva M.H.¹, Urmonova G.H.² (Republic of Uzbekistan)

Email: Abdullaeva510@scientifictext.ru

¹Abdullaeva Mavjuda Habibullaevna – Teacher;

²Urmonova Gulchehra Hamidovna – Teacher,

RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES DEPARTMENT,

MANAGEMENT IN PRODUCTION FACULTY,

FERGANA POLYTECHNIC INSTITUTE,

FERGANA, REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: the article under discussion describes applying video materials in the teaching process and their role in the cognitive activity of learners. The authors of the article claim that illustrative material in the form of feature, documentary, educational films seems necessary and interesting. During the course, video materials can perform a number of functions: teaching, informing, controlling, motivating. The use of video plots facilitates the study of new vocabulary and grammar, improves listening, speaking, writing skills and creates a common cognitive base with native speakers.

Keywords: video material, interesting, informative, educational, speaking, language environment, methodological, communicative.

РОЛЬ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Абдуллаева М.Х.¹, Урмонова Г.Х.² (Республика Узбекистан)

¹Абдуллаева Мавжуда Хабибуллаевна – преподаватель;

²Урмонова Гульчехра Хамидовна – преподаватель,
кафедра русского и узбекского языков, факультет управления в
производстве,

Ферганский политехнический институт,

г. Фергана, Республика Узбекистан

Аннотация: данная статья рассматривает применения видеоматериалов в учебном процессе, а также их роль в

познавательной деятельности учащихся. Авторы статьи утверждают, что иллюстративный материал в виде художественных, документальных, учебных фильмов представляется необходимым и интересным. Во время обучения видеоматериалы могут выполнять ряд функций: обучающую, информационную, контролирующую, мотивирующую. Применение видеосюжетов облегчает изучение новой лексики и грамматики, способствует улучшению навыков аудирования, говорения, письма и созданию общей с носителями языка когнитивной базы.

Ключевые слова: видеоматериал, интересный, информационный, образовательный, говорение, языковая среда, методический, коммуникативный.

Важным элементом образовательного процесса на уроке русского языка является использование видеофильмов и различных видеоматериалов, что меняет характер традиционного урока, делая его более увлекательным и необычным, развивает коммуникативные способности, способствует расширению кругозора и увеличению лексического запаса.

При работе с видеоматериалами задействованы все четыре вида коммуникативной деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо, что позволяет говорить об эффективности их использования на уроке.

Подбор фильмов, как и процесс разработки системы заданий к ним, очень трудоемок, он занимает много времени и требует много усилий со стороны преподавателя, но, единожды собрав материал, им можно пользоваться неоднократно [1, с. 6-7].

Использование видеофильма обусловлено тем, что он оказывает сильное эмоциональное воздействие на учащихся. При соприкосновении с происходящим на экране мы имеем возможность погрузиться в языковую среду совокупность речевых и неречевых условий, отражающих быт, историю, культуру и традиции носителей языка в рамках данного языка. Применение видео на уроках русского языка способствует решению следующих задач: повышение мотивации учащихся; интенсификация обучения; активизация учащихся; самостоятельная работа учащихся; повышение уровня знаний

учащихся. Наиболее важной в методическом плане является следующая классификация видеоматериалов: специальные материалы для обучения русскому языку как иностранному (учебные фильмы, видеолекции и т.д.); аутентичные материалы, включающие художественные фильмы и прямую трансляцию телепрограмм; материалы, разработанные непосредственно преподавателями и учащимися. Первые две категории материалов используются чаще из-за доступности и меньшей сложности в применении. Однако использование самостоятельных разработок может решить большее количество задач, поставленных преподавателем, так как он сам выбирает фрагменты для съемки и может влиять на процесс.

При использовании видеоматериалов необходимо соблюдать ряд условий, способствующих эффективному использованию видеоматериала: изображение и звук должны быть четкими и качественными; используемый видеоматериал должен соответствовать уровню знаний ученика; фильм необходимо показывать поэтапно; видеофильм должен быть разделен на смысловые отрезки, имеющие законченный сюжет, длительностью не более 10-15 минут; язык, употребляемый в видеофильме должен соответствовать требованиям и нормам литературного языка; новые слова, фразы, идиомы и фразеологизмы должны употребляться в умеренном количестве [2, с. 3-8].

Роль преподавателя заключается в том, чтобы с помощью учебника и видеоматериала совершенствовать навыки и умения учащихся. Аутентичные материалы содержат познавательную информацию, которая помогает понять, как используется язык на различных уровнях. Данный вид материалов включает в себя общеупотребительную и специальную лексику, диалектные слова и выражения, причем в реальной коммуникативной ситуации, как их используют носители языка. Применение этих материалов на уроках русского языка обеспечивает хорошую возможность для овладения иноязычной культурой. Стоит отметить, что данные видеоматериалы необходимо ориентировать на учащихся с хорошей языковой подготовкой, так как для начинающих изучать язык они представляют значительные трудности, связанные со скоростью речи, ее индивидуально-типологическими

характеристиками, диалектами особенностями, фоновым шумом и т.д. Изучение видеоматериалов, относящихся к вышеприведенным категориям, имеет большое значение в процессе обучения русскому языку как иностранному. Во время просмотра видеоматериалов происходит слухозрительный синтез, одновременная трансляция звука и изображения, что способствует развитию навыков и умений восприятия речи на слух и стимулирует устно-речевое общение обучаемых, которое происходит в форме выражения собственного мнения, отношения, поиска аргументов и доказательств.

Эффективность использования видеоматериалов на уроке иностранного языка бесспорна, но следует помнить, о необходимости правильной организации структуры видео урока, согласованности учебных возможностей видеофильма и задач обучения.

Список литературы / References

1. *Леонтьева Т.П.* Опыт и перспективы применения видео в обучении иностранным языкам // Нетрадиционные методы обучения иностранным языкам в вузе. Материалы республиканской конференции. Минск, 2004. С. 6-7.
 2. *Белоглазова О.Ю.* Современные технологии реализации лингвокраеведческого потенциала в практике обучения русскому языку как иностранному // Университетские чтения. Материалы научно-методических чтений. ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 3-8.
-

PROSPECTS OF YOUTH POLICIES OF UZBEKISTAN IN THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Zhuraeva K.S. (Republic of Uzbekistan)

Email: Zhuraeva510@scientifictext.ru

*Zhuraeva Kamola Sayfitdinovna - Master of Economics and Foreign
Policy,*

*DIRECTION: INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN
POLICY,*

*DEPARTMENT OF WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL
RELATIONS,*

*FACULTY OF ECONOMICS AND POLITICS OF FOREIGN
COUNTRIES,*

*TASHKENT STATE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article considers the concept and formation of the social and legal position of young people in the Republic of Uzbekistan. The author pays attention to the perspective of youth policy in the international community. Also the purpose of the article is to discuss issues of development of organizational and legal basis of raising the level of legal awareness and juridical culture in the society, bringing the adopted laws to the population, including youth and performers, establishing Effective parliamentary and public control over their implementation, study of foreign practice in this field, familiarization of schoolchildren and juveniles with the successive reforms in Uzbekistan in the context of raising the legal Culture. An example, which is the Uzbek Presidential decree "on the root improvement of the system of raising awareness and legal culture in society", the author points out Improvement of efficiency of work on increase of legal consciousness and juridical culture of the population, introduction of modern methods of increase of legal knowledge of citizens in harmonious combination with social-political transformations, and also Formation of a strong legal immunity to protect the population, especially young people. The implementation of this Decree is very important in improving the legal culture of the population, especially young people. Scientific works of scientists in the sphere of legal culture and upbringing are analyzed.*

Keywords: society, youth, culture, improvement system, performers, parenting, decrees, ordinances, parliamentary and public control of the state.

ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ **Жураева К.С. (Республика Узбекистан)**

*Жураева Камола Сайфитдиновна – магистр,
направление: международные отношения и внешняя политика,
кафедра мировой политики и международных отношений,
факультет экономики и политики зарубежных стран,
Ташкентский государственный институт востоковедения,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: в статье рассматривается понятие и формирование социально-правовой позиции молодежи в Республике Узбекистан. Автором уделено внимание перспективе молодежной политики в международном сообществе. Также целью статьи является обсуждение вопросов развития организационно-правовых основ повышения уровня правосознания и правовой культуры в обществе, доведения принимаемых законов до населения, в том числе молодежи и исполнителей, установления действенного парламентского и общественного контроля за их выполнением, изучение зарубежной практики в данной сфере, ознакомление школьников, несовершеннолетних с проводимыми в Узбекистане последовательными реформами в контексте повышения правовой культуры. Примером является принятый в Узбекистане Указ президента Узбекистана «О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе», автор указывает на то, что этот принятый документ служит в целях дальнейшего совершенствования эффективности работы по повышению правосознания и правовой культуры населения, внедрения современных методов повышения правовых знаний граждан в гармоничном сочетании с общественно-политическими преобразованиями, а также формирования прочного правового

иммунитета для защиты населения, особенно молодежи. Реализация этого указа является очень важной в деле повышения правовой культуры населения, особенно молодежи. Проанализированы научные труды ученых в сфере правовой культуры и воспитания.

Ключевые слова: общество, молодежь, культура, совершенствования система, исполнители, воспитание, указы, постановления, парламентского и общественного контроля государство.

УДК748

Социальная работа с молодежью и в нашей стране, и во многих других странах является частью государственной молодежной политики. Государственная молодежная политика – это деятельность государства по созданию социально – экономических, правовых, организационных условий и гарантий для социального становления, и развития молодых граждан, наиболее полной реализации творческого потенциала молодежи в интересах всего общества. Объектом государственной политики являются молодые люди от 14 до 30 лет, молодые семьи и молодежные объединения [1, с. 2].

Основными целями государственной молодежной политики являются:

1. Содействие социальному, культурному и физическому развитию молодежи;
2. Недопущение дискриминации молодых граждан по возрастному цензу;
3. Создание условий для полного участия молодежи в социально – экономической, политической и культурной жизни общества;
4. Расширение возможностей молодого человека в выборе своего жизненного пути, достижения личного успеха и т.д.,

Молодежная политика – это сфера, где никто не может быть монополистом, поскольку молодежь объективно интересна и бизнесу, и обществу, и государству. И общественные объединения имеют собственное видение молодежной политики.

В своем выступлении президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, на 72-сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложил разработать Международную конвенцию ООН о правах молодежи – унифицированный международно-правовой акт, нацеленный на формирование и реализацию молодежной политики в условиях глобализации и бурного развития информационно-коммуникационных технологий.

Как отметил: «Усиление террористических угроз в мире, особенно в последние годы, свидетельствует о том, что применение в основном силовых методов противодействия с ними себя не оправдывает. Нередко усилия сводятся к борьбе с последствиями вызовов, а не их первопричинами. Считаю, что в основе международного терроризма и экстремизма лежат, наряду с другими факторами, невежество и нетерпимость. В этой связи важнейшей задачей является борьба за умы людей, в первую очередь молодежи”.

Он напомнил, что большинство преступлений, связанных с экстремистской деятельностью и насилием, совершают люди моложе 30 лет. А также то, что молодежь сегодняшнего мира – это крупнейшее по численности за всю историю человечества поколение, насчитывающее 2 млрд человек.

В своей речи президент страны представил мировому сообществу не только современные реалии нового Узбекистана, но и выдвинул глобальные инициативы, в числе которых и создание Конвенции по правам молодёжи. Это олицетворяет принципиальный подход Президента Узбекистана в его стратегии касательно перспектив развития государства.

Президент и Правительство Узбекистана уделяют особое внимание поддержке молодых людей и предоставлению возможностей для их самореализации и внесения вклада в будущее процветание своей страны.

В этом контексте необходимость создания Союза молодежи Узбекистана была продиктована самой жизнью, которая требует от организации решения самых актуальных вопросов в жизни молодежи, особенно по созданию достойных условий для обретения неорганизованной молодежью своего места в жизни, оказанию молодежи всемерной поддержки, обеспечению ее

профессиональной ориентации и занятости, стимулированию ее инициатив.

Весьма символичным представляется объявление дня образования Союза молодежи Узбекистана – 30 июня – Днем молодежи. Поскольку данный Союз станет структурой, обеспечивающей эффективное взаимодействие с государственными органами, негосударственными некоммерческими организациями и другими институтами гражданского общества в реализации государственной молодежной политики, осуществляющей профессиональную деятельность под девизом «Молодежь – строитель будущего». [2, с. 40].

Воспользовавшись созданными условиями, Союз молодежи Узбекистана уже приступил к формированию молодой силы, определяющей будущее страны.

В этих целях Союз создает различные молодежные ассоциации, центры оказания социально-психологической помощи, а также организует ряд крупных мероприятий.

Кроме того, Союз приступил к изучению интересов и проблем, волнующих молодежь Узбекистана, находящейся за рубежом в целях обучения или осуществления трудовой деятельности. Организация также предпринимает меры по установлению сотрудничества с международными молодежными организациями и аналогичными организациями зарубежных стран, что позволит изучить передовой опыт по работе с молодежью. В этих целях представители Союза молодежи совершили визиты в августе текущего года в Китай и в сентябре в Казахстан. На ближайшее будущее аналогичные визиты запланированы в Россию, Республику Корея, Германию и другие страны.

Следует подчеркнуть, что в стране принимается ряд конкретных мер, которые нацелены на стимулирование активности молодежи в общественно-политической жизни. Другим заслуживающим внимания шагом стал запуск Молодежного пресс-клуба, который стал платформой для качественного и оперативного освещения событий жизни молодежи. Здесь будет проводиться открытый диалог между представителями госорганов, экспертного сообщества и СМИ для конструктивного обсуждения вопросов молодежного

направления. Данная платформа также будет служить повышению активности молодежи в общественно-политической жизни страны.

«Социальным лифтом» для молодежи служит созданный в Узбекистане Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан. Основанием для такого вывода может служить то, что на Институт возложены такие амбициозные задачи, как формирование базы данных перспективных молодых кадров органов государственной власти, общественных организаций, создание системы мониторинга их профессионального развития, подготовка предложений по выдвижению данных кадров на управленческие должности, а также организация учебных курсов по переподготовке и повышению квалификации перспективных молодых кадров органов государственной власти, государственного и хозяйственного управления, общественных организаций. [3, с. 1].

Важно отметить, что сегодня Ташкентском государственном институте востоковедения для студентов и магистров созданы все необходимые условия для обучения, самообразования и самореализации. В институте готовят специалистов по восточным языкам и литературе, экономике, истории, философии, культуры стран Востока и международным отношениям. Ведётся преподавание следующих восточных языков, в частности: арабский, вьетнамский, дари, китайский, корейский, персидский, пушту, турецкий, урду, хинди, японский, индонезийский, малазийский и др., а также европейских языков: английский, испанский, немецкий и французский.

Обучение ведётся на узбекском, русском языках и на языках избранных специальностей. После выпуска ТашГИВ, студенты владеют одним или двумя восточными языками и одним из европейских языков в зависимости от специальности. В институте работают и преподают специалисты - носители языка из стран Востока, на кафедре международных отношений преподают профессора, имеющие ранги послов из разных стран, в том числе Востока и профессора обучавшиеся в вузах других стран. На сегодняшний день институт установил партнерские отношения с

более чем 60 зарубежными вузами, и увеличение их числа и расширение сотрудничества с высшими учебными заведениями зарубежных стран являются одним из основных направлений дальнейшего развития института. совместно с зарубежными учебными заведениями успешно проводит научные конференции, семинары, видеоконференции в режиме он-лайн, обмен опытом профессорско-преподавательского состава, обмен студентами. Я как студентка этого института один год обучалась университетах Южной Кореи. Для учебы университете Ханшин созданы все условия: практически великолепно оснащены технически. Самое современное мультимедиа оборудование, компьютерные залы, технологичные лаборатории, быстрый интернет с доступом в любой точке. А также прекрасная инфраструктура, развитый общепит в кампусах и городах, удобный общественный транспорт, что экономит время и позволяет сосредоточиться на учебе. В заключение расскажу о том, что мне дала учеба в Корее. Во-первых, это знакомство с новой культурой, новый опыт, новые друзья. Во-вторых, большинство университетов в Корее, особенно ТОП университеты, оснащены самыми последними технологиями. Удобные аудитории, замечательные библиотеки, в которых можно заниматься 24 часа в сутки. В-третьих, расписание студенты составляют себе сами. Но тут есть как положительные, так и отрицательные стороны. Места на каждый предмет ограничены, поэтому кто успел, тому корешки, а кто нет, тому вершки. Помню, когда начиналось время составления расписания, мы с друзьями ходили в интернет кафе, т.к. там интернет быстрее домашнего, мы считали секунды до открытия окна регистрации, чтобы успеть записаться в группу. Обучение вели на корейском языке (практически повсеместно), так и на английском.

В настоящее время Ташкентский государственный институт востоковедения уделяет большое внимание установлению и развитию сотрудничества с университетами Южной Кореи.

Я как магистр Ташкентского государственного института востоковедения восхищаюсь сотрудничеством нашего Вуза с высшими учебными заведениями и организациями. В частности, как с японскими университетами: Цукуба, Хосэй, Токийский университет иностранных языков, Университет Тойо; с корейскими

университетами: Ханшин, Ханкук, Кюнг-Хи, Пукёнг, также образовательным фондом Корея Фаундейшн; с китайскими университетами: Ланьчжоу, Шанхай и Сиань, также образовательной организацией Институт Конфуция (г.Ханбан); с индийскими университетами: Дехли и научно-исследовательским институтом Галиб; с вьетнамским университетом: Ханойский государственный университет; с российским университетом: Челябинский государственный университет; с французским университетом Парижский институт восточных языков и цивилизаций; с Центральным университетом Ланкашир Великобритании.

Поэтому сегодня можно сказать что, молодежь Узбекистана ведет активное участие в международном сотрудничестве.

Список литературы / References

1. Конституция Республики Узбекистан. Т. Узбекистан, 2018. С. 40.
2. Закон Республики Узбекистан «О государственной молодёжной политике» от 14 сентября 2016 года № ЗРУ-406.
3. «О мерах по исполнению совместного постановления МВССО РУз и Союза молодёжи Узбекистана» от 22 августа 2017 года № 39-с/п.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.gov.uz/](http://www.gov.uz/) (дата обращения: 07.06.2019).
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// dialup.net.uz/](http://dialup.net.uz/) (дата обращения: 07.06.2019).

POLITICAL SCIENCES

CHARACTERISTIC FEATURES OF A DEMOCRATIC TRANSIT ON POST-SOVIET SPACE

Kornaukhova K.M. (Russian Federation)

Email: Kornaukhova510@scientifictext.ru

*Kornaukhova Ksenia Mikhailovna - Bachelor,
DEPARTMENT OF COMPARATIVE POLITICAL SCIENCE,
FACULTY OF MANAGEMENT AND POLITICS,
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS,
Deputy assistant,
MOSCOW*

Abstract: *the article deals with the process of political transformation in the post-Soviet countries. The author points out that after the collapse of the Soviet Union, the formation of new political systems began in such states. This process was heterogeneous and was reflected in two trends, which are comprehensively analyzed in the work. The author emphasizes the uniqueness of political transit in the post-communist space. The article discusses the research of domestic and foreign experts on this issue.*

Keywords: *democratic transit, political system, pluralism, transformation, post-Soviet space, concept.*

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Корнаухова К.М. (Российская Федерация)

*Корнаухова Ксения Михайловна – бакалавр,
кафедра сравнительной политологии, факультет управления и
политики, Московский государственный институт
международных отношений, помощник депутата,
г. Москва*

Аннотация: *в статье идёт речь о процессе политической трансформации в странах постсоветского пространства. Автор указывает на то, что после распада Советского Союза, в таких государствах началось формирование новых политических систем. Данный процесс был неоднородным и отразился в двух тенденциях,*

которые всесторонне анализируются в работе. Автор подчёркивает уникальность политического транзита на посткоммунистическом пространстве. В статье рассматриваются исследования отечественных и зарубежных специалистов по этой проблеме.

Ключевые слова: демократический транзит, политическая система, плюрализм, трансформация, постсоветское пространство, концепция.

УДК 321.7

После распада СССР в странах постсоветского пространства начинается формирование новых политических систем. На протяжении 1990-х годов стала очевидной неоднородность данного процесса, выразившаяся в появлении двух разнонаправленных тенденций: а) на формирование более плюралистичного, демократического строя; б) на легитимацию неоавторитарного режима, ограничение политического плюрализма. Борьба этих тенденций в разных странах завершилась по-разному ввиду наличия ряда факторов. Один из полюсов заняли страны Европы и Балтии, на другом расположились страны Средней Азии.

Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве представляет собой уникальный политический процесс ввиду многопланового характера происходивших изменений, которые наблюдались не только в политической, но также и в экономической, социальной, культурной сферах.

Комплексность данного явления в полной мере сказалась на многообразии вариантов трансформации политических режимов в странах региона. Специфика политической жизни постсоветских государств нередко характеризовалась нестабильностью институтов власти, отсутствием последовательной программы по построению демократического государства и неоднозначностью индикаторов определения степени «успешности демократии» в той или иной стране. В совокупности это привело политологов к осознанию необходимости дополнить первоначальную транзитологическую теорию. При этом традиционная схема транзита, заложенная С. Хантингтоном и его коллегами,

продолжала оставаться базовой частью научного дискурса, как и ряд введенных ею терминов транзитологии.

К концу 1990-х годов многими исследователями начали подмечаться признаки торможения процессов «консолидации демократии» и общей неоднозначности в определении степени реальной демократичности многих переходных режимов. Произошло увеличение числа стран, которые, формально обладая демократическими институтами (система выборов, декларируемая защита прав человека и т.д.), при этом сохраняют и отчетливые атрибуты авторитарных систем (давление на СМИ, отсутствие реальной политической конкуренции и т.п.). Проблема изучения этого феномена является в настоящее время одной из главных задач транзитологии. Для обозначения подобных стран политологами вводились термины «фасадной демократии», «серых зон», «виртуальной демократии» и т.д.

Автоматический перенос методов и опыта трансформации политических режимов иностранных государств на национальную почву без учета местной специфики, исторического опыта, особенностей социальной структуры и отношений нередко дает обратный эффект. Переход общества в качественно новое состояние закономерно связан с кардинальными изменениями в экономике, политике и управлении. На начальном этапе эти изменения сопровождаются перестраиванием структуры социума и формированием внутри него новых общественно-политических связей. Украинским обществом заимствованы новые формы организации власти, новый тип парламента, институт президентства, Конституционный Суд. Эти политические институты являются эффективными формами организации власти в развитых демократических странах. Без стабильных политических структур, способных обеспечить объединение и мобилизацию граждан на выполнение программ реформирования общества, без развитых форм гражданского участия построение успешного функционирующего демократического государства невозможно.

К началу XXI века в постсоветских странах были созданы теории, связанные с культурно - историческим своеобразием того или иного народа и обосновывавшие ту или иную форму политического развития исторической традицией, национальным

менталитетом, культурным наследием[7,106]. В частности, российский научный контекст породил концепты «умеренной демократии», «суверенной демократии», которые выводили современные особенности политического развития страны из ее исторического опыта. Они доказывали, что демократий может быть столько, сколько и стран, поэтому российская демократия не может повторять американскую, украинскую и т. д. В Беларуси утвердился подход, согласно которому переход от социалистической демократии к современной (суверенной в белорусском варианте) совершился[1,43]. Стремление к самостоятельному освоению и пониманию демократического транзита вело к попыткам упорядочить транзитологический дискурс этих стран[3,23].

Постсоветская трансформация, согласно концепции Л. Титаренко, осуществлялась по противоречивым и многомерным траекториям развития[11,97]. Многие политики этого региона пошли по пути укрепления властного аппарата вместо оформления демократических институтов, при этом обе тенденции часто сталкивались и порождали политические конфликты. Одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что в странах постсоветского мира присутствуют примеры как поступательного движения к демократии, так и примеры обратного перехода к авторитарным режимам, стал М. Буравой[15]. По его мнению, это объяснялось проблемами, возникавшими в связи с частой неспособностью переходных режимов успешно трансформировать прежнюю социально-экономическую систему, что приводило к падению уровня жизни основных слоев населения. С. Бульбенюк отмечает, что широкие массы населения в таких условиях могут разочаровываться в перспективах дальнейшей модернизации и позитивнее относиться к опыту предшествующего режима (феномен «авторитарной ностальгии»)[2,62].

Проводя анализ специфических черт демократического транзита постсоветских стран, некоторые исследователи (в частности, М. Макфол) пришли к выводу о кардинальном отличии данного процесса от аналогичных примеров «третьей волны» демократизации в других регионах мира. При этом

выведенные различия виделись им настолько существенными, что давали основание для выделения «посткоммунистической» политической трансформации в особую категорию в рамках транзитологического дискурса. М. Макфол в своем исследовании обращает внимание на характерные особенности постсоветской трансформации, которые не присутствовали у других вариантов трансформации. Прежде всего, это начальный этап трансформационного периода, когда после провозглашения своего стремления к демократизации политические акторы вырабатывают пути реализации этой цели и параллельно стремятся гарантировать свои собственные интересы. Во многих случаях успешных (южноевропейских и латиноамериканских) демократизаций выход из политического тупика обеспечивала не победа одной из противоборствующих политических сил, а оформление своего рода пакта, устанавливающего новые правила политической жизни страны в демократическом, правовом поле и предоставлявших определенные гарантии всем политическим акторам. Вслед за принятием такого компромиссного соглашения становилось возможным проведение свободных и конкурентных выборов новой власти. Институционализация демократических процедур и, главное, легальная и легитимная смена политической власти закладывали необходимые основы для потенциально возможной консолидации демократии. В случае же со странами посткоммунистической группы М. Макфол обратил внимание на неспособность ведущих политических сил достичь подобного компромиссного «пакта». В значительной части посткоммунистических стран подобные соглашения либо с самого начала не стояли на повестке дня, либо нарушались политическими акторами, что вело к затягиванию неконструктивной борьбы за власть и ведению ее недемократическими (административными, криминальными, силовыми) методами[16,6].

Другой особенностью посткоммунистических трансформаций, отмеченной М. Макфолом, являлась необходимость одновременного преобразования, как политической, так и экономической систем. Кризис авторитарных режимов в постсоветских странах оказывался усугублен экономической

несостоятельностью модели полностью огосударствленной экономики, а ее трансформация требовала эффективного привлечения значительного количества ресурсов и оперативного реагирования на кризисные явления переходного периода. В результате, если демократизирующемуся режиму не удавалось в ближайшей перспективе справиться с экономическими вызовами и обеспечить рост уровня жизни населения, то это могло привести к массовому разочарованию широких слоев населения в идеях демократии и росту политической индифферентности. Кроме того, к прочим особенностям сугубо постсоветских трансформаций можно отнести всплеск этнонационализма, отсутствие либо аморфность гражданского общества и т. д.

При схожих стартовых условиях, особенно по части политических институтов, посткоммунистические страны пришли к самым разным итогам своей политической трансформации 1990-х годов. На условной шкале политических режимов они заняли широкий диапазон, включающий как полноценные представительные демократии, так и авторитарные режимы нового типа, с обилием промежуточных вариантов в лице неуверенных и незавершенных попыток демократической консолидации и режимов, стабилизировавшихся в «серой зоне» демократии.

К исследователям, выступавшим в поддержку идеи о том, что страны постсоветского пространства, которые не сумели перейти к консолидированной демократии, следует рассматривать в качестве особого типа политических режимов, принадлежат также С. Левитски и Л. Уэй. В своем выполненном в соавторстве исследовании они описывали данные режимы как «соревновательный авторитаризм»[17]. Этот термин трактовался как «гражданские режимы, в которых существуют формальные демократические процедуры, но которые при этом не являются демократическими в результате того, что политическое поле сильно искажено в пользу находящихся у власти лиц».

М. Оттауэй использовала для обозначения этих же режимов термин «полуавторитаризм», под которым ею подразумевалась особая, альтернативная демократии система власти, а не просто режим, находящийся в стадии незавершенной демократической трансформации[18].

Особое видение теоретического эскиза изменений в постсоветском пространстве предлагает В. Гельман[5,82]. Он классифицирует современную транзитологию, разделяя ее на три группы. Первая акцентирует внимание на особенностях многогранного перехода в странах Восточной Европы и пост-СССР, отличающихся от стартовых условий демократизации в Латинской Америке и Южной Европе. Второй вектор фокусируется на своеобразии российской культуры и истории, обуславливающих своеобразие рассмотрения транзита в этой стране, третий вектор фокусируется на роли государства в переходе.

И. Чайко пишет о том, что положительным транзитологическим потенциалом может обладать политологический анализ, осуществляемый в широком культурно-историческом контексте и предполагающий осмысление политической реальности в терминах веберовской концепции патримониализма[14,131]. Данная концепция применяется Вебером к ситуации разложения патриархального типа господства, когда децентрализация хозяйства приводит к некоторой зависимости руководителя от подданных. Однако Вебер данную концепцию применял больше в политическом смысле, под «патримониальным» понимая такой тип политического господства, в котором лидер осуществляет власть как патриархальный руководитель, а в стране существуют не принадлежащие правителю хозяйственные единицы, и люди, не зависящие прямо от воли лидера[9,106].

Политологи В. Меркель и А. Круассан сформулировали концепт «демократии с дефектами», в рамках которого наличие демократических институтов само по себе не защищает граждан, этот концепт делит транзитные режимы на три направления. Первое - это «демократия с исключениями», где большие сегменты популяции лишены возможности участия в политике из-за расовой, социальной, иной сегрегации. Второе - «демократия с анклавами», где ряд аспектов государственной жизни не принадлежат демократическому воздействию. Например, в государстве с демократическими институтами может существовать неподконтрольная воздействию демократических институтов тайная полиция, осуществляющая политические репрессии. Также хорошим примером здесь может служить существование на

территории в целом демократического государства автономного региона с авторитарными признаками (несменяемость власти, давление на СМИ и правозащитные организации и т.д.). Наконец, в третье направление Меркель и Круассан выделяли «несбалансированную демократию», то есть страны, в политической системе которых присутствует выраженное доминирование одной из ветвей власти над прочими[8,6].

В. Е. Федоринов в рамках исследования процессов перехода в постсоветском пространстве выдвигает концепт «локальной демократии», каковая предполагает сотрудничество местных властей с частными структурами. Его актуальность автор обосновывает рядом тезисов. Так, он доказывал, что условием и инструментом формирования консолидированной демократии в первую очередь является демократия локальная[12,57]. Эффективное функционирование локальной демократии в системе регионального управления может стать гарантом реализации интересов граждан и ограничением излишнего давления со стороны центральной власти, служа таким образом одним из звеньев системы «сдержек и противовесов». Для успешного становления локальной демократии в переходных обществах необходимо наличие ряда способствующих факторов – как нормативных, так и политических. Нормативные факторы – это, прежде всего, демократическое законодательство, пакет нормативно-правовых актов, регламентирующий переходные процессы в системе политических институтов государства. Политическими факторами становления локальной демократии могут выступать: а – наличие институционализированной политической силы, заинтересованной в демократическом транзите; б – наличие жесткого внешнего политического контроля над страной со стороны структур, заинтересованных в становлении демократии в стране. Здесь в качестве примера можно привести международное участие в реформировании политической системы Боснии и Герцеговины после заключения Дейтонских соглашений 1995 года.

Рассматривая в связи с этим опыт трансформации политических стран Центрально-Восточной Европы, можно вывести наблюдение о том, что эффективность локальной демократии в значительной

мере определяется степенью развитости гражданского общества, которое поддерживает ценности кооперации и взаимопомощи, обладает инструментами артикуляции интересов, учитывает как собственный исторический опыт, так и тенденции мировой политической культуры. Андрей Хазов рассматривает политические переходы в постсоветской России и приходит к выводу, что «в России имеет место авторитарно-демократическое переходное состояние политического режима с ярко выраженной тенденцией усиления авторитаризма, обусловленной сохранением старых недемократических и применением новых демократических методов осуществления государственной власти, что позволяет говорить об амбивалентности (двойственности) политического режима»[13,48].

Можно также выделить в региональной транзитологии работу А. Давыдова «Сербский мир»[5,54]. Автор проводит компаративный анализ советского и югославского социалистического государственных и общественных устройств, после чего исследует процесс деконструкции Югославии. Исследователь пишет о том, что крах государств и трудности со становлением демократических институций в изученных регионах обусловлен оторванностью от реальности царивших там идеологических концепций и неспособности местных интеллектуальных классов адекватно оценить перспективы радикальных политических перемен в их государствах.

Подводя итоги рассмотрения классификации постсоциалистических политических режимов, можно выделить три устойчивых макрорегиона: бывшая Югославия, страны ОВД и постсоветское пространство. При этом демократизация некоторых республик бывшей Югославии схожа с аналогичными процессами в Чехии и Румынии, а механизм превращения демократизации в гражданскую войну для постсоциалистического пространства един. Далее важно отметить, что и выделенные нами регионы также имеют определенное деление, в каждом конкретном случае имеющее свои основания. Так, в бывшей Югославии можно относительно четко разделить «север» и «юг». На юге более жестко проявился феномен участия албанцев в политических процессах – албанский фактор играет большую роль в политической жизни Сербии, Черногории и

Македонии, причем в 2001 году последняя вела полноценные боевые действия против албанских сепаратистов. Север же Югославии проявил относительно корректные и демократичные способы создания демократий: Словения сумела избежать массового кровопролития, Хорватия вела борьбу за свою территориальную целостность. В то же время Босния боролась за само свое существование, а югославские войны во второй половине 90-х северным республикам дали довольно спокойные рамки демократического существования (Словения, Хорватия, Босния-Герцеговина), а на юге, где политический режим оказался в руках реваншистски настроенной номенклатуры (малая Югославия) трагические события сопровождали общество до тех пор, пока правящая верхушка не была люстрирована самым радикальным образом.

В восточной Европе провести жесткое разделение на регионы довольно сложно, а вот постсоветское пространство разделилось достаточно легко по границам республик бывшего СССР. Первым «транзитным регионом» можно назвать страны Прибалтики: присоединенные к СССР довольно поздно, они воспринимались Западом совсем иначе, чем иные советские республики. Там процесс демократизации проходил относительно спокойно, хотя и не избежал кровавых эксцессов (Вильнюсские события). Еще одним регионом можно назвать «восточнославянский» - Украина и Беларусь, относительно стабильно демократизирующиеся в 90-х годах, хотя демократия в Беларуси превратилась в авторитаризм, что сближает республику с третьим регионом – Средней Азией, где становление автократий стало единственным способом предотвратить распад государств. Кавказский регион с транзитологической точки зрения дал случаи конфликтного, кризисного становления демократических режимов, а далее мы сталкиваемся с таким интересным феноменом, как наложение «региона транзита» на политическую карту постсоветского пространства: так, по мнению В. Цымбурского, события на Северном Кавказе в начале 90-х укладывались в общую логику развития кавказского региона.

Россия стала шестым «транзитным регионом» в постсоветском пространстве, но процессы и события внутри нее нередко

свойственны для иных регионов: становление автократии в Кузбассе, нестабильном урбанизированном регионе, в 1989 и 1997 годах изменявшем очень многое в контексте внутренней политики государства; довольно успешный демократический транзит на Урале; особый колорит политической динамики на Северном Кавказе, входящем в состав РФ, становление мягкой автократии в России в 2000-х годах, а также сложный процесс становления иерархии постсоветских региональных и государственных элит, особенно на примере Украины. По утверждениям Т. Парсонса, социолога-теоретика, основоположника структурного функционализма, совокупная сфера политики представляет собой часть общей системы общества, которая теснейшим образом связана с функцией достижения стратегических целей страны[10,567] . Политическая сфера жизни, как правило, не исчерпывается лишь реализацией функций государственного управления. Одной из ее функций, особенно ярко выраженной в демократических социумах, является представительство и защита интересов различных слоев населения, инструментом чего и призваны служить политические партии. Одним из последствий того, что многие страны с «гибридными» политическими режимами («серой зоны» демократии) на протяжении конца 1990-х и начала 2000-х годов так и не сумели перейти к консолидированной демократии, стало возникновение вопроса о состоятельности использования по отношению к ним самого термина «демократического транзита». В ряде стран можно было проследить возникновение циклической модели, при которой периоды либерализации и консервации политических режимов сменяли друг друга, не приводя к сколько-нибудь существенному прогрессу демократических институтов. При этом укоренившаяся властная элита или ее конкурирующие группы сумели обеспечить самовоспроизводство власти и сохранение за собой некоторых типично авторитарных инструментов борьбы с оппонентами (зависимая правовая система, административный ресурс на местах).

Процесс демократического транзита для посткоммунистических стран, таким образом, может идти по разным траекториям. Это может быть и консолидация по

принципу либеральных демократий, и симбиоз демократических институтов с авторитарными.

Итак, главными критериями демократичности государства является наличие институтов политического представительства и институтов оспаривания. К первым относится эффективная избирательная система, соблюдение принципа равенства, обеспечения равных возможностей гражданам. Ко вторым - способность государственной и политической системы исправлять допущенные ошибки, откликаться на запросы граждан, потребности и инициативы социальных групп общества, реальное обеспечение свободы слова, информации, мнений, объединений. Грань между авторитарным, демократическим, и промежуточными вариантами лежит в способности граждан избирать власть, реально занимающуюся решением их проблем. При авторитарном режиме проблемы решаются только в плане заинтересованности в этом государства и его лидера. При демократическом строе государство служит гражданам, объединенным в гражданское общество. При промежуточном варианте пассивность сторон и их заинтересованность в развитии общества носит временный характер. В зависимости от степени консолидированности демократии, конструкции структуры государственной власти и степени гражданского общества страна может занять различное положение на условной шкале демократичности-авторитарности правящего режима. Исторический опыт и политическая реальность в большинстве стран постсоветского пространства такова, что большинство из них продолжает дрейфовать в промежуточной, «серой зоне».

Список литературы / References

1. *Божанов В.* Пути модернизации современного государства // Бел. думка, 2006. № 4; с. 43.
2. *Бульбенюк С.* Проблемы демократизации Украины: теоретический и прикладной аспекты / Светлана Бульбенюк // Политический менеджмент, 2008. № 3 (30). С. 62-70.
3. *Виноградов В.Д.* Уроки демократии: что дальше?// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2006. Вып. 4. с. 23.

4. *Вонсович С.* Политический транзит: вариативность подходов. // Вестник ВГУ, 2015. № 1. с. 98.
5. *Гельман В.Я.*, «Постсоветские политические трансформации: наброски к теории» // Общественные науки и современность, 2001. № 1. с. 82.
6. *Давыдов А.Г.* Сербский Мир. Екб, «Издательские решения», 2015.
7. *Кирдина С.Г.* Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2001. № 1. с. 106.
8. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях.// Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 6-17.
9. *Панов М.И., Герасина Л.М.* «Політико-правові інститути сучасності: Структура, функції, ефективність: Монографія» К.: Концерн «Видавничий Дім Ін Юре», 2005. - 384 с.
10. *Парсонс Т.*, О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. с. 567-568.
11. *Титаренко Л.Г.* Постсоветская трансформация демократии: западные и отечественные интерпретации // Философия и социальные науки, 2008. №1. с. 97.
12. *Федоринов В.Е.* Концепт локальной демократии в транзитологической парадигме. // Вестник ВГУ, 2013. № 2. С. 57.
13. *Хазов А.* Характеристика политических режимов в постсоветской России. // Власть, 2012, № 2. С. 112.
14. *Чайко И.В.* Проблемы исследования режимных трансформаций. // Политическая концептология № 1, 2013. с. 131.
15. *Michael Burawoy* "Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes." *American Journal of Sociology* 106(4): 1099-1120, 2001.
16. *Michael McFaul*, "Transitions from Postcommunism", *Journal of Democracy*, July, 2005, P. 5-19.
17. *Steven Levitsky and Lucan A. Way*, "Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War" (New York: Cambridge University Press, 2010), P. 517.

18. Marina S. Ottaway, "Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism", Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003. P. 276.
-

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CULTURAL ADAPTATION THEORY AND THE THEORY OF CULTURAL FUSION

Khilova A.A. (Russian Federation)

Email: Khilova510@scientifictext.ru

*Khilova Alexandra Alexandrovna - Graduate Student,
FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS,
SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT-PETERSBURG*

Abstract: *this article provides a comparative analysis of the theory of cultural adaptation, formulated by Y. Kim, and the theory of cultural fusion, proposed by Croucher, S., Kramer, E. The paper analyzes the similarities and key differences in the application of these theories in studying the process of cultural transition of immigrants in the host country. The article offers a preposition that the theory of cultural fusion can be considered to be more actual and applicable in the modern globalizing world.*

Keywords: *migration, cultural adaptation, cultural assimilation, cultural fusion.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

Хилова А.А. (Российская Федерация)

*Хилова Александра Александровна – студент магистратуры,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация: *в данной статье проводится сравнительный анализ теории культурной адаптации, сформулированной Ю. Кимом, и*

теории культурного синтеза, предложенной Краучером С., Крамером Е. В представленной работе анализируются сходства и ключевые различия в применении этих теорий в изучении процесса культурной адаптации иммигрантов в принимающей стране. В статье выдвигается предположение, что теория культурного синтеза может считаться более актуальной и применимой в условиях современного глобализирующегося мира.

Ключевые слова: миграция, культурная адаптация, культурная ассимиляция, культурный синтез.

It is a common knowledge that nowadays processes of migration and transition gained notable importance and attention from the side of researches and the whole world in total, especially Europe, due to the well-known refugee crisis. Now, integration theories, which are capable to solve cultural problems, require special attention and accuracy in applying. This paper will compare the theory of cultural adaptation and the theory of cultural fusion in order to identify to which extent these concepts are similar and what are the major differences in their approach to transition.

Cross-cultural adaptation process is one of the prime concerns for communication researches that have been studied throughout past decades and Y. Kim's theory of cultural adaptation is considered to be one of the most applied ones. In this theory, cross-cultural adaptation is unfolded as a dynamic process, where the concurrence of acculturation and deculturation, leading to the direction of assimilation, brings about an internal transformation in immigrants by passing through stress-adaptation-growth model [2]. According to the theory, the process can be affected by multiple factors, the central of which is host communication competence, the ability to communicate in accordance with the norms and practices of the host culture and engagement in its social communication processes.

Cultural fusion is a brand new theory, which borrows elements from a variety of other theoretical frameworks, in order to broaden horizons of old theories and provide a more realistic view on immigrants' integration experience. The theory offers the idea that processes of acculturation into the new culture and maintenance of some aspects of the home culture can be coexisting ones. This theory is pointing out

that final product of these processes is not total assimilation of immigrants into a host environment but a fusion of dominant and minority cultural aspects, which leads to the creation of a fused intercultural identity.

First of all, it is important to say that both theories address the same problem and use a similar structure. Both concepts strive to describe theoretically experience of the immigrants in a new culture and to find patterns in their integration process to put this knowledge into practice. Each of the two theories is precisely structured using boundary conditions, assumptions and axioms with the ensuing from them theorems. These are the key elements by which the theories are going to be compared.

As both of the theories appeal to the same situation and context, their boundary conditions are identical and expressed in 3 main points: 1) the immigrants were initially socialized in one culture and then moved to another one; 2) the immigrants are to some extent dependent on the host culture; 3) the immigrants are to same extent involved into communication with the host culture. In this way, theoretically both theories work in the same circumstances.

As concerning assumptions, they are basically similar but have some significant differences, which demonstrate the main discrepancies in their approach to transition. In Kim's adaptation theory is absent the assumption number 2 from the fusion theory: "Humans have an innate self-organizing drive and desire to maintain their cultural identities." [1] In a sense, this statement contradicts with the first assumption of both theories, which says that "Humans have an innate self-organizing drive and a capacity to adapt to environmental challenges." [2]. But judging by the explanation of the fusion theory, these assumptions can be parallel ones as humans maintain their identities while still adapting to a new environment through communication.

Consequently, one of the major differences between the concepts is that cultural fusion is the process through which newcomers acculturate into the host culture while still maintaining some elements of their ethnic culture, then cultural adaptation is the process where lifelong goal is assimilation into the dominant culture that means full deculturation, loss of immigrant's native cultural features. Advocates of the cultural fusion theory argue that complete assimilation is

theoretically impossible, while supporters of cultural adaptation think that merging your identity with those of the surrounding cultural identities is the most realistic representation of the adaptation process.

Another discrepancy reflected in the assumptions is the formulation of assumption number 4, where the fusion theory expands Kim's point by adding the surrounding environment as one of the changing elements [1]. In cultural adaptation theory, the immigrants are the only transforming element, so this concept does not acknowledge their impact on the host culture. For the fusion theory, the fact that the dominant culture is also influenced by the newcomers and then transformed as a result of their interaction is one of the key points. As a result, another difference between the considered theories is that fusion theory is, in a sense, broader than cultural adaptation theory, as it introduces how interaction between the two elements affects both of them.

Taking into consideration the theoretical axioms, it is possible to say that they are more or less developed in the same way in both theories with the exception of the differences based on the mentioned above discrepancies in assumptions. For example, the first axiom of the Kim's theory states that "cross-cultural adaptation involves both acculturation and deculturation, an eventual possible outcome of which is assimilation" [2], what contradicts with the first axiom of the cultural fusion, mentioning that acculturation and cultural maintenance are the key components of their theory [1]. While both admit that acculturation is inevitable, theories debate the possibility of rather complete abandonment or partial maintenance of the home cultures of immigrants.

Also, when describing influence of social communication, axiom of cultural fusion theory says that "Intercultural transformation facilitates and is facilitated by participation in host and minority (interpersonal and mass) communication activities" [1], while cultural adaptation theory, although mentioning ethnic communication activities, only acknowledges host communication to influence intercultural transformation in its axiom.

Nevertheless, as to the role of communication in general, both concepts share the same opinion. Communication lies at the heart of each of these theories just as it is the very process through which all individuals acquire any cultural knowledge, even the original ones during childhood. Both the quantity and the quality of individuals'

communication activities in a new environment are crucial to the success of the acculturation.

Y. Kim divided communication activities into two dimensions: personal and social, and this division was supported in the fusion theory as well. Scholars have generally defined personal communication as host communication competence. When immigrants need to interact with members of the dominant culture, they must enact their host communication competence. When members of the dominant culture need to interact with newcomers, they must also enact other forms of communicative competence, depending on the situation [1]. In this way, through trial and error, people develop their abilities to relate to the environment. These abilities to receive and process information appropriately are mentioned and described as important factors in both theories.

Nevertheless, even though the concepts describe similar things they show different tone to it. For example, cultural adaptation axioms are mostly written in individual concentrated manner (e.g. “3. The stress-adaptation-growth dynamic brings about an intercultural transformation in the stranger”) [2], while cultural fusion theory states the axioms describing society in general (e.g. “2. Cultural fusion brings about intercultural transformation”) [1], once again emphasizing the fact that cultural fusion is a process where all the participating elements are transformed by affecting each other.

To conclude, cultural adaptation theory and cultural fusion theory at the same time are simple and hard things to compare. Cultural adaptation theory is well-substantiated as a lot of academic papers are dedicated to its development as this concept is older than the theory of cultural fusion, which just appeared as an alternative to existing approaches. At the same time, cultural fusion theory demonstrates a more multicultural approach to the transition as it widened the angle of view to the issue by considering changes happening to a host culture too. As the world becomes more globalized, the borders of states are getting blurred, and the societies become more and more heterogeneous, the theory of cultural fusion, which absorbs the most relevant to date elements from other communicational frameworks, can claim the role of the quintessence of different acculturation theories.

References / Список литературы

1. Croucher S., Kramer E. Cultural fusion theory: An alternative to acculturation. *Journal of International and Intercultural Communication*, 2016. 1-18. doi: 10.1080/17513057.2016.1229498.
 2. Kim Young Y. *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., 2001. doi: 10.4135/9781452233253.
-

FIGHTING APARTHEID IN SOUTH AFRICA: ANALYSIS OF CONFLICT

Khilova A.A. (Russian Federation)

Email: Khilova510@scientifictext.ru

*Khilova Alexandra Alexandrovna - Graduate Student,
FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS,
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
SAINT PETERSBURG*

Abstract: *this article analyzes the struggle against apartheid in South Africa as an internationalized conflict. The paper considers the relevance of the conflict, its classification, borders, subjects and the dynamic dimension using the theory of international relations, in particular, game theory. The article also provides historical information on the premises of the conflict, its escalation, the main periods, the settlement of the conflict and the current state of racial relations within the country.*

Keywords: *apartheid, South Africa, internationalized conflict, segregation, racism.*

БОРЬБА С АПАРТЕИДОМ В ЮАР: АНАЛИЗ КОНФЛИКТА

Хилова А.А. (Российская Федерация)

*Хилова Александра Александровна – студент магистратуры,
факультет международных отношений.*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в данной статье анализируется борьба с апартеидом в Южно-Африканской Республике как интернационализированный конфликт. В работе рассматривается актуальность конфликта, его классификация, границы, субъекты и динамическое измерение с помощью теории международных отношений, в частности теории игр. Также в статье приведены историческая справка о предпосылках зарождения конфликта, его эскалации, основных периодах, урегулировании конфликта и современное состояние расовых взаимоотношений внутри страны.

Ключевые слова: апартеид, ЮАР, интернационализированный конфликт, сегрегация, расизм.

Несмотря на понимание термина «апартеид», определенного в международной конвенцией о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973) [5], как действий не ограниченных географическим фактором и не отнесенных к определенным государствам или другим акторам, упоминание политики апартеида ассоциируется с ее практикой именно в Южной Африке. С учетом остроты конфликта и его продолжительности, борьба против апартеида в ЮАР, ее предпосылки и основные факторы, приведшие к смене режима, привлекает особое внимание исследователей. Смена режима представляется в историографии как один из наиболее успешных в современной истории примеров перехода от авторитаризма к демократии. Однако эта точка зрения, как и многие другие, в отношении южноафриканского конфликта является спорной и дискуссионной.

Исследование феномена апартеида в ЮАР вызывает интерес на основе его неоднозначности, как в плане классификации конфликта, так и идеологизации темы в литературе. Особую актуальность представляет сторона практического применения исследований конфликта, позволяющая установить причины его зарождения, проанализировать методы и механизмы его устранения для предотвращения межрасовых и межэтнических конфликтов в будущем.

Классификация данного конфликта, как уже отмечалось, является трудоемким процессом из-за его длительности,

количества участвующих акторов, широкому предметному полю. По сфере проявления конфликт в ЮАР можно охарактеризовать как этнический на его первых этапах до эскалации конфликта в 60х годах. Основой конфликта являются противоречия между разными этническими группами, среди которых существует неравенство в уровне развития, дохода и неравного положения в обществе, также имеет место установление контроля над правительством одной из сторон. На дальнейших этапах конфликт можно определить как этнополитический. На политизацию конфликта повлияла мобилизация действий угнетенной этногруппы, появление лидеров и начало открытой борьбы за изменение ее политического статуса и смены дискриминирующего режима. Однако на конфликт влияли также и территориальный и лингвистический факторы (насильственное переселение, система бантустанов, насильственное насаждение английского и африкаанс в школах), тем не менее, данные действия со стороны правительства можно охарактеризовать как составную часть дискриминирующей политики.

По области проявления конфликт представляется внутригосударственным интернационализированным. Несмотря на внутренний характер конфликта между государством и внутренними группами, конфликт интернационализировался за счет вовлеченности интересов других государств и акторов. К примеру, действия ООН, введение санкций против ЮАР третьими странами.

В конфликте принимало участие множество субъектов, однако, они все могут быть условно поделены на две конфликтующие стороны, на основе их интереса к вопросу сохранения режима апартеида или его ликвидации. Таким образом, конфликт является двусторонним.

В вопросе соотношения интересов сторон, рассматривая их с помощью теории игр, возможно несколько вариаций. При рассмотрении конфликта как противостояния белой олигархии и черного и цветного населения страны за борьбу в получении всеми расами в стране равных прав, то конфликт может быть квалифицирован как конфликт с ненулевой суммой, так как, несмотря на противоречие интересов, они не являются взаимоисключающими при проведении политики мирного

сосуществования или расовой сегрегации без ущемление прав этнических групп. Рассматривая конфликт как противоборство партий разных сторон за власть в стране, также возможен был исход с ненулевой суммой, при построении новой государственной модели, с равным представительством расовых групп во властных органах. Если рассмотреть реальный исход и последствия отмены апартеида в стране, можно сделать вывод о том, что борьба против апартеида в ЮАР оказалась конфликтом с нулевой суммой, с выигрышем чернокожего население в политическом плане, но проигрышем в пользу белой олигархии в экономическом [1].

Определение предмета спора также является неоднозначным и может отличаться у разных участников конфликта. Рассматривая народ (цветное и темнокожее население ЮАР) очевидно, что их борьба была основана на желании получить равные права и справедливость, так же в некоторых случаях будут оправданны территориальные претензии (при введении системы бантустанов 87% земли было отведено белым, индийцам и цветным и только 13% чернокожим, составлявшим около 80% населения страны). Говоря же об оппозиционных политических партиях, их действия помимо получения прав и достижения справедливости, были направленные на получение политической власти. Со стороны правительства и большей части белого населения суть конфликта лежала в борьбе за сохранение их власти, удерживании большей части территории и ресурсов страны, а также отстаивание своей ценностной идеологии, заключавшейся в сохранение чистоты белой расы и убеждении в ее естественном превосходстве.

Конфликт является долгосрочным (46 лет) и явным на всем его протяжении, от студенческих митингов и умеренных действий АНК (Африканский национальный конгресс) в 50-х – 60-х до вооруженных столкновений и террористических атак в 60-х - 90-х. В статусных отношениях конфликт вертикален, так как одной из сторон конфликта являлось правительство, в иерархическом подчинении которого находились другая сторона конфликта. Относительно ресурсов и потенциала сторон конфликт также асимметричен. Несмотря на то, что конфликт является региональным, так как угрожал только безопасности государств-

соседей в пределах региона, тем не менее, в его разрешении и завершении было заинтересованно международное сообщество, влиявшее на ситуацию в регионе (наложение санкции, принятие резолюций, проведение конференций против апартеида), что придает конфликту черты глобальности [3].

Географически конфликт проходил только на территории ЮАР, вооруженные столкновения, митинги, забастовки и восстания проходили как в крупных городах (Йоханнесбург, Порт-Элизабет), так и в небольших поселках и пригородах (Шарпевиль, Соуэто). Однако системные рамки конфликта гораздо глобальнее. За событиями в Южной Африке следило мировое сообщество, во многом влияя на развития конфликта по средством идеологической и материальной поддержки (СССР, Китай, Куба) [4], введения экономических, политических и гуманитарных санкций (ЕС, Япония, США, Содружество и др), особое место в борьбе с режимом занимала также деятельность ООН [3].

Определяя временные рамки конфликта, необходимо отметить, что само понятие «апартеид» и первые его проявления зародились гораздо раньше установления официального режима в стране. Официальное установление политики апартеида в ЮАР связано с преобладанием африканеров в правительстве с 1948 года и завершается в 1994 сменой правящей партий. Однако по некоторым источникам, впервые, слово «апартеид» было употреблено еще в 1917 году Яном Христианом Сметсом, ставшим в 1919 году премьер-министром ЮАС [2].

Расовая дискриминация в Южной Африке практиковалась уже в XIX веке, когда Британская империя ограничивала права на переселение чернокожих африканцев со своих территорий в регионы Капской колонии и Наталя, занятые белыми и цветными. Также в качестве примера расовой дискриминации можно привести Земельный акт 1912 года и ограничения на наём чернокожих африканцев на работу, появление которых было связано с договорённостями, достигнутыми бурскими республиками (Трансваалем и Оранжевым свободным государством) с Британской империей после англо-бурской войны. С другой стороны, существует мнение, о том, что изначально идея апартеида подразумевала лишь политическое

разделение («большой апартеид»), но не бытовую сегрегацию («мелкий апартеид»), которая осуществлялась в ЮАР 50-х – 60-х годах. Тем не менее, можно утверждать, что официальная политика апартеида, проводившаяся правительством ЮАР в 1948 - 1994 годах, была продолжением и расширением той сегрегации, которую практиковали белые правительства в Южной Африке еще в XIX и начале XX веков.

Дата окончания конфликта не вызывает споров. Когда к 1993 году страна оказалась на пороге гражданской войны, с учетом сильного давления международного сообщества Фредерику де Клерку пришлось согласиться на проведение всеобщих демократических выборов, которые состоялись 26-29 апреля 1994 года. Победу на выборах одержал АНК, получив большинство голосов избирателей и обогнав Национальную партию по числу голосов в 3 раза. Апрель 1994 года можно считать точкой завершения политики апартеида, проводившейся 46 лет.

Несмотря на то, что в конфликте выделено две стороны, участниками конфликта выступает большое количество субъектов. Во-первых, это политические партии и движения. Со стороны противников апартеида их возглавлял АНК. Помимо АНК непосредственное участие в конфликте принимала Южноафриканская коммунистическая партия и Панафриканский конгресс (ПАК), который отделился от АНК в 1959 году. ПАК отличался радикальными взглядами и отвергал идеи межрасового сотрудничества. И АНК и ПАК имели особое вооруженное крыло в своих движениях. В АНК боевой организацией, было «Умконто ве сизве» («Копьё нации»), начавшее свою деятельность в 1961 году после расстрела в Шарпевиле. Внутри ПАК в 1962 году была сформирована организация «Поко», которая устраивала покушения и нападения на белых [4].

Считается общепринятым, что победу над режимом апартеида обеспечил союз демократических сил во главе с АНК, что является оправданным, так как именно АНК со времени своего создания в 1912 года нес основную тяжесть политической, а с начала 60-х годов и вооруженной борьбы. Однако АНК и его союзники действовали внутри Южной Африки в условиях подполья, а их центры находились в эмиграции. Поэтому, с конца

1970-х годов центр тяжести борьбы все больше смещался на деятельность массовых общественных организаций (профсоюзы, молодежные организации, общинные организации). Среди них можно выделить: Конгресс южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ), Южноафриканский молодежный конгресс (САЙКО), Южноафриканский конгресс профсоюзов (САКТУ), Объединенный демократический фронт (ОДФ), ставший высшей форма массовой общественной организации в ЮАР, объединив в себе несколько движений, профсоюзов и организаций [9].

Помимо внутренних сил, как уже упоминалось, в конфликте были задействованы третьи страны, выступавшие против режима апартеида в ЮАР, поддерживая внутренние силы или вводя санкции, для давления на правительство. Так, 20 сентября 1977 года министры иностранных дел стран Европейского сообщества (ЕС) на совещании в Брюсселе одобрили кодекс поведения для корпораций, действующих в Южной Африке, что негативно отразилось на внешнеторговом балансе ЮАР [12].

15 июня 1985 года Палата представителей США приняла законопроект введение экономических санкций против Южной Африки: эти виды санкций запрещали предоставлять правительству ЮАР новые банковские займы и инвестиции, запрещалось продавать правительству ЮАР компьютеры и ядерное топливо, оборудование и технологии. Сенат США также призвал компании соблюдать «Принципы Салливана», согласно которым американские компании должны были обращаться с чернокожими так же, как и с белыми, в жилищной сфере и сфере занятости.

К бойкоту ЮАР присоединилась 24 июля 1985 года и Франция, которая отозвала своего посла из ЮАР и запретила новые капиталовложения в ЮАР в качестве протеста против политики правительства ЮАР. В сентябре 1985 года правительства 12 стран ЕС также согласовали порядок введения санкций против ЮАР, несмотря на то, что не все правительства были готовы к введению обязательных санкций. И уже 9 октября 1985 года Япония, второй по объему торговли партнера ЮАР, заявила о присоединении к экономическим санкциям против ЮАР. 22 октября 1985 года на встрече стран Содружества на высшем уровне в Нассау также было принято решение о санкциях против ЮАР [3].

По некоторым данным активную идеологическую и материальную поддержку освободительному движению предоставляли социалистические государства (СССР, Китай, Куба) [4]. В вузах и техникумах СССР учились сотни активистов АНК. А в советских военных училищах и в лагерях в Анголе под руководством советских инструкторов проходили подготовку бойцы военного крыла «Умконто ве сизве». В официальной биографии бывшего президента Южной Африки Табо Мбеки даже есть запись: «Прошел военную подготовку в СССР» [8].

Особую роль в деле ликвидации системы апартеида сыграла деятельность ООН. Резолюции 395 (1950), 134 (1960), 181 (1963), 2396 (1968), 3068 (1973) были направлены на осуждение режима в стране и призывали к наложению экономических, политических и гуманитарных санкций на ЮАР [6]. Конвенция 1973 года (Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него) имела особое значение. Непосредственной целью конвенции было создание юридических оснований для того, чтобы страны-члены ООН могли применять санкции к правительству ЮАР, пытаясь тем самым добиться изменения его политики. Политика санкций стала активно использоваться в мировом сообществе, например, запрещение ЮАР участвовать в Олимпийских играх. В 1974 году Генеральная ассамблея ООН пыталась отказать делегации ЮАР в праве представлять страну в ООН и участвовать в работе организации [3].

Консервативную сторону конфликта возглавляла Национальная партия (НП), установившая и проводившая режим апартеида. Правее НП находилась Консервативная партия, в которую массово переходили члены НП, не поддерживавшие умеренных реформ П. В. Боты. Также на стороне белых националистов была ультраправая военизированная организация Движение сопротивления африканеров (AWB). Сформированное в 1973 году AWB, вело активную деятельность в 70х-80х годах, атакуя чернокожих, активистов АНК и ЮАКП, белых граждан ЮАР, склонных к либерализму или коммунизму. Движение активно препятствовало демонтажу апартеида в начале 1990-х, выступая за разделение ЮАР по расово-этническому принципу и создание «народного государства» — Фолькстат. Политическим крылом

АВВ в конце 1979 года стала Партия государства белого народа, а военизированные отряды стали называться «Штурм-фальке». Из других аналогичных групп можно назвать «Вит коммандо» (Белые коммандос), «Блitz коммандо», нательскую англоязычную группу «Южная Африка превыше всего», женскую организацию «Каппи коммандо», объединение «Действия в пользу спасения белой ЮАР» [4].

Ближе к завершению конфликта был также основан Африканерский народный блок (АНФ), в который вошли более 20 организаций белых. Ее председателем стал Ф. Харценберг. Главными целями АНФ было создание Бурской народной армии и достижение самоопределения для африканеров [4].

В процессе исследования динамического измерения конфликта можно выделить 4 основных этапа его развития. Первый (нач. XX в. - 1948) – этап зарождения конфликта. Второй (1948 - 1961г.), отличающийся мирными формами и методами борьбы, который, в свою очередь, может быть разделен на два подэтапа в соответствии с преобладающими методами борьбы: от конституционных форм выражения протеста (подача петиций, принятие резолюций и т.д.) к неконституционным формам (кампании неповиновения расовым законам, бойкоты, всеобщие политические демонстрации, забастовки и стачки). Третий (1961 - 1983гг.) характеризуемый насильственными формами и методами ведения борьбы, заключавшимися в нападениях на полицейские посты и правительственные объекты, диверсиях в крупных городах и т.д. Четвертый (1983-1994), характеризуемый слиянием политической оппозиции с рабочим движением, позволившим ликвидировать неспособность вооруженных группировок координировать борьбу в общенациональном масштабе.

Страна оказалась на пороге гражданской войны. Когда конфликт достиг пика эскалации, в сложившейся ситуации, учитывая сильное международное давление, Фредерику де Клерку фактически не оставалось ничего другого, как согласиться на проведение всеобщих демократических выборов. Выборы 1994 года завершились победой АНК, получившего поддержку большинства избирателей — 63 %. 9 мая 1994 года Национальная

ассамблея избрала президентом ЮАР Нельсона Манделу, чем официально завершилась борьба против апартеида в ЮАР.

Современное состояние конфликта можно назвать завершенным, однако, состояние экономической и социальной сферы на данный момент может стать основой для зарождения новых конфликтов на территории государства. Сегодня, несмотря на реальный доступ коренного населения к образованию, государственным должностям и занятию бизнесом, уровень неравенства только увеличился, потому что реальные доходы беднейших 2/3 населения (то есть чернокожих) упали. Уровень безработицы с тех пор составляет от 25 до 30%. Правительство АНК даже осуществляло программы, при которых при устройстве на работу предпочтение отдаётся людям с чёрным цветом кожи, однако, компетентных специалистов среди чернокожего населения до сих пор мало. При этом многие высокообразованные белые специалисты эмигрировали из страны, прежде всего из-за всплеска преступности. После отмены апартеида в стране резко выросло как число чернокожих, так и число белых, ставших жертвами убийств. Также существует точка зрения о появлении черного расизма, выражаемого в уже упомянутых программах приема на работу, квотах в университете, нападениях на белых [1].

Сравнительно мирный переход от апартеида к многорасовой демократии в ЮАР посредством всеобщих выборов по праву может считаться событием исторического масштаба. Бывшие партизаны и боевики, придя к власти в 1994 году не стали мстить за действия прежнего режима, а взяли курс на расовое примирение. Безусловно, в завершении конфликта важную роль сыграло мировое сообщество принуждавшее правительство сменить режим, однако, участие третьих сторон было косвенным, и прямого вмешательства в конфликт со стороны мирового сообщества не произошло.

На данный момент конфликт является урегулированным, однако, его нельзя назвать разрешенным, так как глубинные противоречия между сторонами не были устранены, и потребности и интересы белого населения скорее не являются удовлетворенными. Тем не менее, урегулирование конфликта было достигнуто посредством демократических методов и было

ориентировано на конкретный результат, который можно считать достигнутым, так как отношения сторон являются нормализованными. Однако по завершению конфликта «позитивный мир» не был достигнут, и на данный момент результат урегулирования конфликта представляется «нулевой» суммой, а в некоторых вопросах возможно даже «отрицательной».

Конфликт в Южной Африке, возникший на основе борьбы с государственным режимом апартеида, продлился пол века, и завершился мирным путем, представляя собой уникальное явление для мировой истории. Неоднозначность конфликта в вопросах предмета спора, соотношения интересов, временных и системных границ, а также широкий круг акторов вызывают особый интерес для его исследования.

Список литературы / References

1. Белые африканцы сегодня: как живут белые в ЮАР после отмены апартеида. Часть первая // Африка, Общество, Остальной мир, Политика. 1 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sputnikipogrom.com/world/africa/51464/white-south-africans-1/#.V0MvtPmLTIX/> (дата обращения: 30.082019).
2. Гуминенко М.В. Апартеид в Южной Африке, или Человек имеет право не быть убитым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dugward.ru/publ/s85.html/> (дата обращения: 30.082019).
3. Демократические преобразования в ЮАР как предпосылка процесса прекращения международной изоляции ЮАР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studproject.com/ethnopolitics/southafrica/> (дата обращения: 30.082019).
4. Жуков Д. Апартеид: История режима. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/22985/Zhukov_-_Apartheid__Istoriya_rezhima.html/ (дата обращения: 30.082019).

5. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtmlhttp://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml (дата обращения: 30.082019).
6. Организация Объединенных Наций: партнер в борьбе с апартеидом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/events/mandeladay/apartheid.shtml/> (дата обращения: 30.082019).
7. *Терешкин Д.В.* Законодательство ЮАР в период режима апартеида[Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.ruzh.org/rlj/2007/2007_3/DJVU/1583.pdf/ (дата обращения: 30.082019).
8. *Тетекин В.Н.* Награжден правительством ЮАР // Советская Россия, N 123, 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sovross.ru/old/2004/123/123_7_3.htm/ (дата обращения: 30.082019).
9. *Тетекин В.Н.* Массовые демократические организации Южной Африки в борьбе против режима апартеида. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/massovye-demokraticheskie-organizatsii-yuzhnoy-afriki-v-borbe-protiv-rezhima-aparteida> (дата обращения: 30.082019).
10. *Тетекин В.Н.* ЮАР сегодня: демократия и власть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukarus.com/yuar-demokratiya-i-vlast/> (дата обращения: 30.082019).
11. General South African History Timeline: 1950 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sahistory.org.za/1900s/1950s/> (дата обращения: 30.082019).
12. *Kreut J.* Hard Measures by a Soft Power? Sanctions Policy of the European Union. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/67/67097_1paper45.pdf/ (дата обращения: 30.082019).
13. Popular struggles in the early years of Apartheid. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sahistory.org.za/topic/popular-struggles-early-years-apartheid-1948-1960/> (дата обращения: 30.082019).

**X INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
Boston. USA. August 29-30, 2019
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt — remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution — You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike — If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-64655-006-7
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA